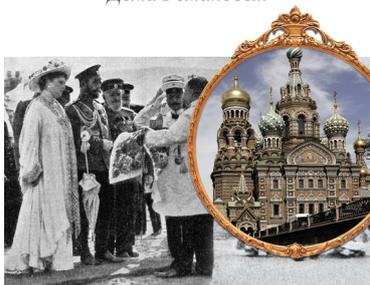

Владимир Хрусталеv

*Триумф и трагедии
Дома Романовых*

ТАЙНЫ НА КРОВИ

Из жизни Императорского Дома Романовых

Владимир Михайлович Хрусталеv
Тайны на крови. Триумф и
трагедии Дома Романовых
Серия «Романовы. Падение династии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611290

Хрусталеv Владимир Михайлович Тайны на крови. Триумф и трагедии Дома Романовых: АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081662-0

Аннотация

Кто организовал покушение на Николая II во время его путешествия по Востоку?

Правда ли, что император Александр III был отравлен?

Кто был реальным виновником трагедии на Ходыньском поле?

Почему члены Царской семьи не смогли после революции покинуть Россию и спасти свою жизнь?

Различные эпизоды из жизни Императорского Дома Романовых, обросли мифами в книгах и кинофильмах и значительно отличаются от реальности. Читатель впервые получил редкую возможность составить представление о тайнах династии Романовых и реальных событиях конца XIX – начала XX веков.

Большая часть материалов, приведенных в этом издании, долгое время находилась в «спецхранах», многие из них неизвестны не только широкому кругу читателей, но и профессиональным историкам.

Содержание

Предисловие	5
Крушение царского поезда в Борках	8
Покушение на цесаревича Николая Александровича в Японии	25
Особые приметы венценосных братьев	37
Неожиданная смерть императора Александра III	44
Ходынская катастрофа 1896 года в Москве	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Хрусталева

Тайны на крови. Триумф и трагедии Дома Романовых

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Хрусталева В.М., 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

В России, особенно в последние годы, значительно усилился интерес к подлинной истории нашего Отечества, не искаженной всякими идеологическими штампами. Доказательство тому – постоянно увеличивающееся из года в год количество издаваемых исторических книг (в том числе переводных), посвященных многим событиям, которые входили в советские времена в число «закрытых тем» и являлись предметом особой охраны в многочисленных спецхранах библиотек и государственных архивов. Вновь, как и в прежние времена Российской империи, ныне возрождено знаменитое Историческое общество. Актуальным вопросом сегодняшнего дня является написание устоявшихся школьных учебников по истории России, которые в наши времена «великих перемен» отличаются порой различной трактовкой одних и тех же событий. Многие темы остаются недостаточно изученными, а некоторые все еще представляют собой, так называемые белые или черные пятна истории и ждут своих исследователей. Порой ажиотажный интерес к истории тех или иных событий, недостаток знаний многие любители «сенсаций» пытаются восполнить за счет нового мифотворчества, чем особенно грешат журналисты. На экранах центрального телевидения можно видеть интересные передачи, посвященные многим основным историческим вехам нашей Родины, но иногда наблюдается тенденция наполнить их мистическим смыслом, притянуть надуманные сюжеты под видом достоверных фактов, которых в действительной жизни никогда не существовало. Это явление негативно влияет на формирование психологии подрастающего поколения, порождает семена сомнения, что тот или иной исторический факт достоверен, а телевизионная передача просто развлекательное шоу и не отвечает за «правду истории». Познавательные передачи, как и книги, должны нести проверенную научную информацию. Стоит напомнить, что история, как наука, прежде всего призвана испокон веков формировать внутренний мир полноценных граждан державы, воспитывать искренних и самоотверженных патриотов. Молодое поколение должно знать и гордиться многовековыми традициями своего Отечества, быть способным по призыву сердца и совести в минуту опасности встать на защиту общих интересов страны. Меня, как профессионального историка-архивиста, часто возмущает и вызывает невольный внутренний протест, когда читаешь некоторые исторические книги зарубежных авторов и наших диссидентов или смотришь документальные фильмы иностранных киностудий, посвященные страницам многовековой истории России. Они часто сквозят примитивными и схематичными западными трафаретами (нередко из времен «холодной войны»), извращенными взглядами на русский самобытный мир, которые в их представлении деформированные (на самом деле не соответствуют нашей действительности). Порой эти исторические концепции, в их изложении, явно враждебны к Государству Российскому. Так и хочется сказать: люди добрые, сегодня нет «железного занавеса», посетите российские архивы. У нас нет запретных ограничений по хронологии пережитых событий чуть ли не по сто лет, как, например, в архивах Великобритании. Надо более уважительно относиться к нашему многовековому историческому наследию, а значит, и не только к себе, но и к другим – мировому сообществу как единой семье на планете Земля. Но не стоит впадать и в другую крайность. Искажать нашу историю красивыми эпизодами, которые придуманы были для «красного словца» или сочинены народной молвой, а позднее не глядя были растиражированы по многим изданиям и стали как бы уже неотъемлемой действительностью. Приведу один безобидный конкретный пример, хотя их существует множество. Относительно не так давно из печати вышла полезная книга, рассчитанная на российских туристов, которые стали активно проводить свой отпуск за рубежом и знакомиться со многими достопримечательностями разных стран мира. Хорошее и полезное дело. Авторы этого издания решили кратко осветить для туристов

известный маршрут Цесаревича Николая Александровича (императора Николая II) во время его знаменитого морского путешествия на Восток в 1890–1891 гг. Однако в самом начале книги приводятся неверные сведения, которые, к сожалению, кочуют по многим историческим работам и документальным фильмам. Речь идет о крушении царского поезда в Борках в 1888 г. недалеко от Харькова, когда только чудом спаслась царская семья: «При крушении обвалилась крыша вагона-столовой. Царь Александр, по рассказам, удерживал ее на своих плечах, пока к нему не подбежали с помощью; жена и дети невредимыми выбрались наружу, отделавшись испугом»¹.

Кажется, ничего страшного, что в действительности все было гораздо прозаичнее и не так романтично. Однако из малого создается общая картина исторического процесса. Небольшая допущенная неточность порой настораживает вдумчивого читателя к дальнейшему восприятию достоверности изложения в книге других исторических фактов. Конечно, как многие знают из своего жизненного опыта, процесс познания истины может быть длительным, а порой бесконечным. В этом издании я только пытаюсь показать наиболее известные исторические факты, которые часто искажаются в популярных изданиях, с предостережением, чтобы читатель был информирован и подготовлен, что не всякое опубликованное слово есть истина, и критически относился к тому, что его интересует. Конечно, и мои заметки не могут со всей полнотой раскрыть все сюжеты, которые затронуты в книге. Главной своей целью я ставил: показать читателю всю массу существующих источников, дать их в сопоставлении, увлечь в познавательный процесс постижения летописи Российской империи, совершить путешествия в эпизоды времени отдаленной от нас эпохи. Постараемся попутно показать взгляды на одни и те же значимые исторические события свидетелей тех времен, в том числе из различных политических лагерей: от монархистов и консерваторов до либералов и революционеров. Попытаемся познать совместными усилиями страницы истории нашего Отечества, прежде всего через призму архивных документов, дневники и письма, воспоминания очевидцев событий, через хронику и периодические издания тех лет. Чтобы каждый современный читатель мог составить собственное суждение и сделать определенные выводы о том или ином событии. Недаром русская поговорка гласит: «Сколько человек, столько мнений». Главное, чтобы каждый из нас загорелся желанием в дальнейшем узнать больше о том, что привлекло внимание, для этого мы даем отсылку к источникам, с которыми в дальнейшем можно будет самостоятельно более подробно ознакомиться. Необходимо помнить, что многие мемуары и воспоминания порой грешат тенденциозностью взглядов их авторов. К этой категории исторических материалов можно отнести также дневники и письма. Фрагменты цитируемых текстов воспроизводятся мной в данной книге в соответствии с правилами издания исторических документов. Для большей доступности читателю восприятия текста источников мной в квадратных скобках восстанавливаются не общепринятые сокращенные или пропущенные по смыслу слова. В круглых скобках в необходимых случаях даются пояснения автора (кратко обозначенные курсивом. – *В.Х.*). Даты событий обозначены по старому стилю, в необходимых случаях рядом дается датировка по новому стилю. Многие архивные документы требуют критического научного анализа. В связи с этим следует отметить, что среди архивных и печатных источников встречаются явно подложные, направленные на фальсификацию некоторых исторических событий. Об этой проблеме интересно и доступно излагается в книге В.П. Козлова «Обманутая, но торжествующая Клио»² и других изданиях. Только в изучении совокупности исторических материалов по той или иной теме, сопоставлении их данных, скрупулезном и критическом отношении к

---

¹ Путешествие на Восток цесаревича Николая / Авторы-составители А.Г. Москвин, С.М. Бурьгин, Н.Н. Непомнящий. М., 2010. С. 12.

² Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

изучению исторического процесса – залог приближения к истине. Об этом должен помнить каждый исследователь и читатель, кто желает безошибочно отличать мифы от реальности.

Крушение царского поезда в Борках

В многовековой истории Императорского Дома Романовых имеется множество событий, которые в популярных произведениях обросли мифами или значительно отличаются от действительности. Например, катастрофа царского поезда на 277-й версте, недалеко от станции Борки на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге 17 октября 1888 года, когда якобы император Александр III держал на могучих плечах обвалившуюся крышу вагона, чем спас свою семью. Подобное утверждение присутствует во многих исторических работах.

В книге нашей соотечественницы Л.П. Миллер, выросшей в эмиграции и ныне живущей в Австралии, указывается: «Император, обладавший невероятной физической силой, держал на своих плечах крышу вагона, когда произошло крушение императорского поезда в 1888 году, и дал возможность своей семье выползти из-под обломков вагона в безопасное место»³.

Более впечатляющая и искаженная картина крушения царского поезда воспроизводится в книге известной английской писательницы Э. Тисдолл: «Императорский столовый вагон оказался в тени выемки. Неожиданно вагон покачнулся, вздрогнул и подпрыгнул. Раздался адский стук столкнувшихся буферов и сцепок. Днище вагона треснуло и провалилось у них под ногами, снизу взметнулось облако пыли. Стенки со скрежетом лопнули, воздух наполнился грохотом сталкивающихся между собой вагонов.

Никто не понял, как все произошло, но в следующее мгновение Император Александр III стоял на железнодорожном полотне по колени в обломках, удерживая на могучих плечах всю среднюю часть металлической крыши вагона.

Похожий на мифического Атланта, подпирающего небо, ослепленный пылью, слыша крики своего семейства, оказавшегося среди обломков у его ног, и зная, что каждую секунду они могут быть раздавлены, если он сам рухнет под страшной тяжестью.

Трудно себе представить, что за считанные доли секунды он догадался подставить плечи и тем самым спасти остальных, как нередко это утверждают, но то обстоятельство, что он встал на ноги и что крыша рухнула на него, возможно, спасло несколько жизней.

Когда прибежали несколько солдат, Император все еще удерживал крышу, но стонал, еле выдерживая напряжение. Не обращая внимания на крики, доносившиеся из-под обломков, они схватили куски досок и подперли ими одну сторону крыши. Император, ноги которого проваливались в песок, отпустил вторую сторону, упершись в обломки.

Ошеломленный, он пополз на четвереньках к краю выемки, затем с трудом поднялся на ноги»⁴.

Объяснить подобное вольное утверждение можно лишь недостаточно критическим отношением к историческим источникам, а иногда вымыслами сочинителей. Возможно, использование ими непроверенной информации об Александре III, в какой-то мере пошло от эмигрантских мемуаров великого князя Александра Михайловича (1866–1933). Писал он их в конце жизни по памяти, т. к. его личный архив остался в Советской России. В частности, в этих мемуарах указывалось: «После покушения в Борках 17 октября 1888 года весь русский народ создал легенду, что Александр III спас своих детей и родных, удержав на плечах крышу разрушенного вагона-ресторана во время покушения революционеров на императорский поезд. Весь мир ахнул. Сам герой не придавал особого значения случившемуся, но огромное напряжение того случая оказало губительное воздействие на его почки»⁵. Так

---

³ Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 55.

⁴ Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумф и поражение. СПб., 2004. С. 184–185.

⁵ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 163–164.

ли было на самом деле в действительности. Обратимся к архивным документам, воспоминаниям очевидцев и другим историческим источникам. Попытаемся сопоставить их содержание, чтобы реконструировать реальные события.

Весною 1894 года император Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала Брайтову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Государь получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в кармане серебряный портсигар оказался сплюснутым. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Воспроизведем ход событий.

Осенью 1888 года семья императора Александра III (1845–1894) посетила Кавказ. Государыня Мария Федоровна (1847–1928) впервые оказалась в этих местах. Ее поразили природная, девственная красота и самобытность этого дикого края. Она восхищалась гостеприимством и искренней восторженностью встреч местного населения.

Все хорошее, известно каждому, пролетает быстро, как одно мгновение. Наконец завершилось длительное и утомительное, хотя и увлекательное путешествие по югу России. Царская семья отправилась в обратный путь домой в Санкт-Петербург: сначала морем с Кавказа до Севастополя, а оттуда по железной дороге. Казалось, ничто не предвещало беды. Царский поезд тянули два мощных локомотива. Состав включал более десятка вагонов и на некоторых участках шел со средней скоростью 65 верст в час.

Цесаревич Николай Александрович (1868–1918) продолжал в эти октябрьские дни 1888 года, как обычно, регулярно вести свои дневниковые записи. Заглянем в них:

«16 октября. Воскресенье. – Вагон.»

Сегодня весь день стояла идеальная погода, совершенно летняя. В 8½ увиделись с Ксенией, Мишей и Ольгой. В 10 ч. поехали к обеднице на кор[абль] «Чесма». Осматривали ее после этого. Были также на «Екатерине II» и «Уральце». Завтракали на «Москве» с турецким послом. Посетили Морское собрание в городе и казарму 2-го Черномор[ского] экипажа. В 4 часа уехали в Никол[аевском] поезде. Проехали тоннель засветло. Обедали в 8 ч.

17 октября. Понедельник. – Вагон.»

Бедная «Камчатка» убита!⁶

Роковой для всех день, все мы могли быть убиты, но по воле Божией этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошел с рельсов, столовая и 6 вагонов разбиты и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 чел. и раненых 16. Пересели в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовой был молебен и панихида. Ужинали там же. Все мы отделались легкими царапинами и разрезами!!!⁷

Император Александр III в своем дневнике за этот трагический день записал следующее: «Бог чудом спас нас всех от неминуемой смерти. Страшный, печальный и радостный день. 21 убитый и 36 раненых! Милый, добрый и верный мой Камчатка тоже убит!».

17 октября 1888 года с самого утра было обычным, ни чем не отличающимся днем, проводимым царской семьей во время путешествий в поезде. В полдень по установленному придворному порядку (хотя чуть раньше обычного) сели завтракать. В вагоне столовой собралась вся Августейшая семья (за исключением 6-летней младшей дочери Ольги, которую оставили с гувернанткой англичанкой в купе) и свита – всего 23 человека. За большим столом сидели император Александр III, императрица Мария Федоровна, несколько свитских дам, министр путей сообщения генерал-адъютант К.Н. Посьет, военный министр П.С.

---

⁶ «Камчатка» – кобель лайки, любимая собака императора Александра III.

⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. Л. 294–295.

Ванновский. За невысокой перегородкой, за отдельным столом, завтракали царские дети и гофмаршал Императорского Двора князь В.С. Оболенский.

Трапеза должна была скоро завершиться, так как до Харькова, где ожидалась, как обычно, торжественная встреча, оставалось ехать менее часа. Прислуга, как всегда, обслуживала безукоризненно. В ту минуту, когда подавали последнее блюдо, любимую Александром III гурьевскую кашу, и лакей поднес Государю сливки, все вдруг страшно сотряслось и моментально куда-то исчезло.

Потом император Александр III и его супруга Мария Федоровна будут вспоминать бесконечное множество раз этот роковой случай, но так и не смогут восстановить его во всех мелких подробностях.

О железнодорожной катастрофе много позднее младшая дочь царя, великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) делилась впечатлениями в мемуарах, пересказанных от ее имени в записи канадского журналиста Йена Ворреса: «29 октября (17 октября по старому стилю. – В.Х.) длинный царский поезд шел полным ходом к Харькову. Великая княгиня помнила: день был пасмурный, шел мокрый снег. Около часу дня поезд подъезжал к небольшой станции Борки. Император, императрица и четверо их детей обедали в столовом вагоне. Старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался, как консервная банка. Тяжелая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то несколько дюймов до голов пассажиров. Все они лежали на толстом ковре, упавшем на полотно: взрывом отрезало колеса и пол вагона. Первым выполз из-под рухнувшей крыши император. После этого он приподнял ее, дав возможность жене, детям и остальным пассажирам выбраться из изувеченного вагона. Это был поистине подвиг Геракла, за который ему придется заплатить дорогой ценой, хотя в то время этого еще никто не знал.

Миссис Франклин и маленькая Ольга находились в детском вагоне, сразу за столовым вагоном. Они ждали пудинга, но так и не дождались.

– Хорошо помню, как при первом же ударе со стола упали две вазы из розового стекла и разбились вдребезги. Я испугалась. Нана посадила меня к себе на колени и обняла. – Послышался новый удар, и на них обеих упал какой-то тяжелый предмет. – Потом я почувствовала, что прижимаюсь лицом к мокрой земле...

Ольге показалось, что ее выбросило из вагона, превратившегося в груды обломков. Она покатила вниз по крутой насыпи, и ее охватил страх. Кругом бушевал ад. Некоторые вагоны, находившиеся сзади, продолжали двигаться, сталкиваясь с передними, и падали набок. Оглушительный лязг железа, ударяющегося о железо, крики раненых еще больше напугали и без того перепуганную шестилетнюю девочку. Она забыла и про родителей, и про Нана. Ей хотелось одного – убежать подальше от ужасной картины, которую она увидела. И она бросилась бежать, куда глаза глядят. Один лакей, которого звали Кондратьев, кинулся за нею вслед и поднял ее на руки.

– Я так перепугалась, что исцарапала бедняге лицо, – призналась великая княгиня.

Из рук лакея она перешла в отцовские руки. Он отнес дочурку в один из немногих уцелевших вагонов. Там уже лежала миссис Франклин, у которой были сломаны два ребра и серьезно повреждены внутренние органы. Дети остались в вагоне одни, в то время как Государь и императрица, а также все члены Свиты, не получившие увечий, стали помогать лейб-медику, ухаживая за ранеными и умирающими, которые лежали на земле возле огромных костров, разведенных с тем, чтобы они могли согреться.

– Позднее я слышала, – сообщила мне великая княгиня, – что мама вела себя как героиня, помогая доктору, как настоящая сестра милосердия.

Так оно и было на самом деле. Убедившись, что муж и дети живы и здоровы, императрица Мария Федоровна совсем забыла о себе. Руки и ноги у нее были изрезаны осколками

битого стекла, все тело ее было в синяках, но она упорно твердила, что с нею все в порядке. Приказав принести ее личный багаж, она принялась резать свое нижнее белье на бинты, чтобы перевязать как можно больше раненых. Наконец из Харькова прибыл вспомогательный поезд. Несмотря на усталость, ни император, ни императрица не захотели сесть в него, прежде чем не были посажены все раненые, а убитые, пристойно убранные, погружены в поезд. Число пострадавших составило 281 человек, в том числе 21 убитый.

Железнодорожная катастрофа в Борках явилась поистине трагической вехой в жизни великой княгини. Причина катастрофы так и не была установлена следствием. /.../

Многие из свиты погибли или стали калеками на всю жизнь. Камчатка, любимая собака великой княгини, была раздавлена обломками провалившейся крыши. В числе убитых оказался граф Шереметев, командир казачьего конвоя и личный друг императора, но к боли утраты примешивалось неосязаемое, но жуткое ощущение опасности. Тот хмурый октябрьский день положил конец счастливому, беззаботному детству, в память девочки врезался снежный ландшафт, усеянный обломками императорского поезда и черными и алыми пятнами»⁸.

Конечно, эти записки великой княгини Ольги Александровны больше плод воспоминаний других, так как ей в то время было всего 6 лет и едва ли она могла знать о некоторых деталях трагического события, которые были пересказаны в мемуарах от ее имени. К тому же приведенные здесь сведения о гибели командира Императорского конвоя В.А. Шереметева (1847–1893) не соответствуют действительности. Так именно появляются мифы, которые начинают жить самостоятельной жизнью, перекочевав во многие популярные произведения.

Сообщая о случившемся, официальный печатный орган «Правительственный вестник» указывал, что вагон «хотя и остался на полотне, но в неузнаваемом виде: все основание с колесами выбросило, стенки сплюснулись, и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне. Невозможно было представить, чтобы кто-либо мог уцелеть при таком разрушении».

В свою очередь, нам следует заметить читателям, что тогда еще трудно было говорить о причинах крушения, но правительство сразу же заявило: «О каком-либо злоумышлении в этом несчастном случае не может быть и речи». В печати сообщалось, что погибли 19 человек, 18 были ранены.

Дополнительно от себя еще отметим, что вагон, в котором находилась царская семья, спасло от полного разрушения только то, что его днище имело свинцовую прокладку, что смягчило удар и не позволило всему развалиться на куски.

Следствием было установлено, что царский поезд шел на этом опасном участке со значительным превышением скорости (64 версты в час, так как нагонял опоздание по графику), и катастрофа произошла в 47 верстах к югу от Харькова – между станциями Тарановка и Борки. Сошли с рельсов локомотив и четыре вагона. Это не был террористический акт, как некоторые предполагали первоначально. Еще до путешествия специалисты предупреждали императора, что поезд составлен неверно – в середину очень тяжелых царских вагонов был вставлен легкий вагон министра путей сообщения К.Н. Посьета. Инженер С.И. Руденко неоднократно указывал на это инспектору Императорских поездов инженеру барону М.А. Таубе. Тот как всегда отвечал, что все хорошо знает, но сделать ничего не может, так скоростью движения распоряжается П.А. Черевин, не считаясь ни с расписанием, ни с неудовлетворительным состоянием железнодорожного пути. Погода была холодная и дождливая. Тяжелый поезд, который тащили два мощных паровоза, спускаясь с шестисажженной насыпи, шедшей через широкий и глубокий овраг, повредил путь и сошел с рельсов. Часть вагонов

---

⁸ Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 178–179.

была разрушена. Погибло 23 человека, в том числе лакей, который подавал сливки Государю, не спаслись также четыре официанта, находившихся в вагоне-столовой (за перегородкой). Раненых насчитывалось 19 человек. (По другим данным: погиб 21 человек, 35 были ранены.) Как мы видим, число жертв в источниках все время указывается разным. Возможно, некоторые из пострадавших позднее скончались от ран.

Члены царской семьи остались практически невредимыми, только сам царь получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в правом кармане серебряный портсигар оказался сильно сплюснутым. Кроме того, он получил сильный ушиб спины от упавшей на него массивной столешницы. Возможно, впоследствии эта травма способствовала развитию болезни почек, от которой император Александр III скончался через шесть лет. Единственными свидетелями извне этого железнодорожного крушения оказались окаменевшие от ужаса солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие для охраны в цепи вдоль линии полотна в этой местности при прохождении царского поезда. Государь, окинув взором всю картину катастрофы и поняв, что нет иной реальной возможности оказать должную помощь пострадавшим людям силами и средствами только уцелевших лиц разбитого поезда, приказал солдатам стрелять в воздух. По всей цепи охраны поднялась тревога, сбежались солдаты, а с ними оказался военный врач Пензенского полка и небольшое количество перевязочных средств.

Сразу после крушения и эвакуации раненых, на ближайшей станции Лозовой сельское духовенство отслужило панихиду по погибшим и благодарственный молебен по случаю избавления от опасности оставшихся живых. Император Александр III приказал подать обед для всех находившихся и уцелевших в поезде, включая прислугу. По некоторым свидетельствам, он распорядился перевести останки погибших в Петербург и обеспечить материально их семьи.

На основании материалов следствия государственной комиссии были сделаны соответствующие выводы, по которым приняли надлежащие меры: кто-то был уволен в отставку, кого-то повысили в должности. Однако пересмотрели весь установленный ранее артикул движения царского поезда. На этом поприще сделал головокружительную карьеру многим теперь известный С.Ю. Витте (1849–1915). По всей стране служились благодарственные молебны по поводу чудесного спасения Августейшей семьи.

Любопытно сравнить процитированные нами мемуары великой княгини Ольги Александровны с дневниковыми записями генеральши А.В. Богданович (1836–1914), которая держала великосветский салон и была в курсе всех событий и слухов столицы: «За последние дни – ужасная катастрофа на Харьковско-Орловской дороге 17 октября. Без содрогания нельзя слушать подробности крушения царского поезда. Непостижимо, как Господь сохранил царскую семью. Вчера Салов рассказал нам подробности, переданные ему Посьетом, когда они вчера возвращались из Гатчины, по приезде Государя. Царский поезд состоял из следующих вагонов: два локомотива, за ними – вагон электрического освещения, вагон, где помещались мастерские, вагон Посьета, вагон II класса для прислуги, кухня, буфетная, столовая, вагон вел. княжон – литера Д, литера А – вагон Государя и царицы, литера С – цесаревича, дамский свитский – литера К, министерский свитский – литера О, конвойный № 40 и багажный – Б. Поезд шел со скоростью 65 верст в час между станциями Тарановка и Борки. Опустили на 1½ часа по расписанию и нагоняли, так как в Харькове предполагалась встреча (тут является маленькая темнота в рассказе: кто приказал ехать скорее?).

Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, чтобы идти в царскую столовую, зашел в купе к барону Шернвалю, звал его идти вместе, но Шернваль отказался, сказав, что у него есть чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один. В столовой собралась вся царская семья и свита – всего 23 человека. Маленькая

вел. княжна Ольга оставалась в своем вагоне. Столовая была разделена на 3 части: посредине вагона – большой стол, с двух боков столовая была отгорожена – с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посередине стола с одной стороны помещался Государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны – императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева Ванновский. Где стояла закуска, там сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними Оболенский.

В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, гурьевскую кашу и лакей поднес Государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск. Все это было делом нескольких секунд – царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упало. Кажется, пол вагона уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в вагоне. Императрица захватила Посьета при падении за бакенбарды.

Первый на ноги поднялся Посьет. Увидя его стоящим, Государь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему: “Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться”. Когда Государь поднялся, и императрица увидела, что он невредим, она вскричала: “Et nos enfants?” (“Что с детьми?”). Слава Богу, дети все целы. Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; на нее накинул телеграфный чиновник свое пальто. Михаила отыскали, зарытого в обломки. Цесаревич и Георгий тоже были невредимы. Когда нянька увидела, что стенка вагона была разбита, она выбросила маленькую Ольгу на насыпь и сама вслед за ней выбросилась. Все это произошло очень благополучно. Вагон же был переброшен через столовую и стал между буфетным вагоном и столовой поперек. Говорят, это послужило спасением для находящихся в столовой.

Зиновьев рассказал Посьету, что он видел, как бревно врезывалось в столовую, два вершка от его головы; он перекрестился и ждал смерти, но вдруг оно остановилось. Человек, подававший сливки, был убит у ног Государя, также и собака, бывшая в вагоне, – подарок Норденшильда.

Когда вся царская семья собралась, и они увидели, что Господь их сохранил, – царь перекрестился и занялся ранеными и убитыми, которых оказалось много. Четыре официанта, которые находились в столовой за перегородкой, были убиты. Первый сошел с рельсов вагон Посьета. Охрана, стоявшая вдоль пути, говорит, что видела, как что-то моталось около колеса одного из вагонов, но, вследствие быстрого хода поезда, не может указать, в каком это было вагоне. Думают, что лопнул бандаж на колесе. В первом, электрическом, вагоне людям, там находящимся, было жарко, – они открыли дверь. Трое из них, поэтому были спасены – их выбросило на дорогу невредимыми, но другие были убиты. В мастерской, где находились колеса, и разные принадлежности на случай поломки, все были перебито. Вагон Посьета разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, его нашли сидящим. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками; он был нравственно потрясен, не зная, что такое произошло. Императрица и Государь подошли к нему. Она сняла с себя башлык и надела его на Шернваля, чтобы ему было теплее, так как у него фуражки не было. У него оказались переломлены три ребра и помяты ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находился еще инспектор дороги Кроненберг, который тоже был выброшен на кучу щебня, и у него было оцарапано все лицо. И управляющий дорогой Кованько, тоже выброшенный, но так удачно, что не запачкал себе даже перчаток. Кочегар же был убит в этом же вагоне. В вагоне II класса, где была прислуга, мало кто остался жив – все получили серьезные раны: кто не был убит на месте, многие были придавлены передними скамейками. В кухне повара были ранены. Вагоны лежали на обе стороны. Из свиты Государя все более или менее получили ушибы, но все легкие. Посьету ушибло ногу, у Ванновского оказалось три шишки на голове, Черевину ушибло ухо, но всех больше пострадал начальник конвоя Шереметев: у него оторвало второй палец на правой руке и сильно придавило грудь. Трудно вооб-

разить, что при таком разрушении так еще ничтожны повреждения. Императрице помяло левую руку, которую до сих пор она держит на привязи, а также оцарапало ухо, т. е. возле уха. В других же вагонах находящиеся там люди не потерпели никаких повреждений. Под царский вагон, где находились спальни царя и царицы, подкатились колеса других вагонов, а вагон цесаревича так затормозили, что превратили его колеса в сани. Барон Таубе, сопровождающий всегда царские поезда, находился у Ширинкина в свитском вагоне. Когда он узнал о происшедшем, он бросился бежать в лес; солдаты, охранявшие путь, чуть его не убили, думая, что это злоумышленник. Ширинкин послал конвойных его догнать и привести обратно. Посыет потерял во время крушения все свои вещи, остался в одном сюртуке.

Когда опять все уселись в вагоны, т. е. когда опять отправились из Лозовой в Харьков, Государь с царицей навестили Посыета в его купе. Он лежал раздетый. Царица села рядом у него на скамейке, где он лежал, а Государь остался стоять. Она его утешала и пробыла у него 20 минут, не позволив ему встать со своего места. Когда Посыет вышел из вагона, Салов говорит, что у него был земляной цвет лица, он очень осунулся. Государь очень бодр и еще потолстел. Императрица тоже бодр, но постарела. Это понятно, что она пережила в это ужасное время.

Сегодня напечатано, что Государь передал жандармскому офицеру кусок дерева – гнилую шпалу. Спросила Салова по телефону, справедливо ли это сообщение. Он отвечал, что Воронцов, правда, поднял кусок дерева и сказал, что это – гнилая шпала, передал это Государю, который тут же отдал этот кусок жандарму. Но Салов уверен, что это не шпала, что все они были переменены два года тому назад на этой дороге, а что это – обломок от вагона. Молодой Поляков, хозяин этой дороги, говорит, что всему виной вагон Посыета, который был очень ветх. Посыет дал понять Салову, что будто ехали так скоро по приказанию самого Государя. Теперь все выяснит следствие. Кони и Верховский от Министерства путей сообщения поехали туда на место. Жертв очень много: 23 убитых и 19 раненых. Все – царская прислуга»⁹.

Любопытно отметить, что этому происшествию уделил большое внимание известный многим жандармский генерал В.Ф. Джунковский (1865–1938), занимавший перед Первой мировой войной пост помощника министра внутренних дел, и который числился в Свите императора Николая II. Он за свою жизнь оставил обширные дневники и рукописные воспоминания, еще до сих пор в своей значительной части не опубликованные. В частности, он писал: «Император Александр III возвращался со всей своей семьей с Кавказа. Не доезжая г. Харькова близ станции Борки несколько вагонов сошли с рельсов и, одновременно, раздался треск, вагон-столовая, в котором в это время находился император со всей семьей и ближайшей свитой, рухнул, крыша вагона прикрыла всех сидевших за столом, два камер-лакея, подававшие в это время гречневую кашу, были убиты на месте упавшей крышей. Александр III, обладавший неимоверной силой, как-то инстинктивно удержал крышу и тем спас всех сидевших за столом. Он со страшными усилиями поддерживал крышу, пока не удалось вытащить из-под нее всех сидевших. Это усилие навсегда отразилось на здоровье Александра III, повредило ему почки, что и было причиной его преждевременной кончины 6 лет спустя. Несколько еще вагонов Императорского поезда были разбиты в щепы, жертв было много, и убитые и раненые. Государь и императрица не покинули места катастрофы, пока не пришел санитарный поезд из Харькова, не перевязали всех раненых, не поместили их в поезда, не перенесли туда же и в багажный вагон всех убитых и не отслужили по ним панихиду. Императрица с помощью дочерей, фрейлин сама перевязывала раненых, утешала их. Только когда все было окончено, санитарный поезд двинулся в Харьков, увозя с собой пострадавших, царская семья с лицами Свиты в экстренном поезде направилась вслед в Харьков, где

---

⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 91–94.

Их Величества восторженно были встречены харьковцами, проследовали прямо в Собор среди ликующей толпы, запрудившей все улицы. В Соборе было отслужено благодарственное молебствие за совершенное необъяснимое прямо чудо – спасения царской семьи. Как никогда свершился Божий промысел...

В воскресенье 23 октября Государь вернулся в столицу. В Петербурге состоялся торжественный въезд Их Величеств... По всему пути стояли несметные толпы народа. Государь прямо проехал в Казанский Собор, где было отслужено молебствие. Тут на площади стояли учащиеся, не исключая и студентов университета и многих учебных заведений. Овациям не было предела, вся эта молодежь приветствовала царскую семью, их шапки летели вверх, «Боже, Царя храни» раздавалось в толпе, то тут, то там. Государь ехал в открытой коляске с императрицей.

Мне рассказывал ближайший свидетель всего этого градоначальник Грессер, что он никогда ничего подобного не видел, что это была стихия, стихия восторженности. Студенты и молодежь буквально осаждали коляску Государя, некоторые прямо хватали руки и целовали. У одного студента брошенная им шапка попала в коляску Государя. Императрица ему говорит: «Возьмите Вашу шапку». А он в порыве восторга: «Пусть остается». От Казанского Собора до Аничкова дворца бежала густая толпа за коляской Государя.

Несколько дней столица праздновала чудесное спасение Государя, город был разукрашен, иллюминирован, учебные заведения распущены на 3 дня.

Всех конечно занимала причина крушения. Много было разговоров, толков, говорили о покушении, чего только не придумывали... В конце концов, определенно подтвердилось, что никакого покушения не было, что вина лежала исключительно на Министерстве путей сообщения...»¹⁰.

День спустя, т. е. 24 октября 1888 года, еще одна запись в дневнике генеральши А.В. Богданович относительно уточнения подробностей крушения царского поезда: «Было много народу. Moulin говорил, что видел художника Зичи, который сопровождал Государю в поездке и был в столовой. Его облили кашей во время катастрофы. Когда он очутился вне вагона, первое, о чем он вспомнил, был его альбом. Он вошел снова в разрушенную столовую, и альбом сразу попался ему на глаза. Говорят, что Государь за два дня до катастрофы делал замечание за столом Посъету, что очень часто остановки. На это Посъет отвечал, что они делаются, чтобы брать воду. Государь сказал сурово, что можно ее запастись, не так часто, а в большем количестве зараз.

Много интересных подробностей слышишь о крушении. Все более или менее получили царапины, но все здоровы. У Оболенской, рожденной Апраксиной, сорвало с ног туфли. Раухфус (доктор) боится, что будут последствия у вел. княжны Ольги от падения. Ванновский сильно ругает Посъета. Вся свита царя говорит, что его вагон был причиной крушения. Удивительно, что все, когда говорят об опасности, угрожавшей царской семье, восклицают: «Если бы они погибли, то вообразите, что тогда был бы Государем Владимир с Марией Павловной и Бобриков!» И эти слова говорят с ужасом. Е.В.[Богданович] говорит, что вел. кн. Владимир делает недоброе впечатление своими поездками по России»¹¹.

Однако, как часто бывает, воспоминания косвенных свидетелей событий тех дней не всегда совпадают с тем, что рассказывали об этом же те, кто оказался участниками этого происшествия. Тому имеется множество примеров.

6 ноября 1888 года императрица Мария Федоровна написала своему родному брату Вильгельму, греческому королю Георгу I (1845–1913), обстоятельное и полное эмоций письмо об ужасном происшествии: «Невозможно представить, что это был за ужасающий

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 41. Л. 97, 98, 100, 101.

¹¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 94–95.

момент, когда мы вдруг почувствовали рядом с собой дыхание смерти, но и в тот же момент ощутили величие и силу Господа, когда Он простер над нами свою защитную руку...

Это было такое чудесное чувство, которое я никогда не забуду, как и то чувство блаженства, которое я испытала, увидев, наконец, моего любимого Сашу и всех детей целыми и невредимыми, появившимися из руин друг за другом.

Действительно, это было как воскресение из мертвых. В тот момент, когда я поднималась, я никого из них не видела, и такое чувство страха и отчаяния овладело мною, что это трудно передать. Наш вагон был полностью разрушен. Ты, наверное, помнишь последний наш вагон-ресторан, подобный тому, в котором мы вместе ездили в Вильну?

Как раз в тот самый момент, когда мы завтракали, нас было 20 человек, мы почувствовали сильный толчок и сразу за ним второй, после которого все мы оказались на полу, и все вокруг нас зашаталось и стало падать и рушиться. Все падало и трещало как в Судный день. В последнюю секунду я видела еще Сашу, который находился напротив меня за узким столом и который затем рухнул вниз вместе с обрушившимся столом. В этот момент я инстинктивно закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки стекла и всего, что сыпалось отовсюду.

Был еще третий толчок и много других прямо под нами, под колесами вагона, которые возникали в результате столкновения с другими вагонами, которые наталкивались на наш вагон и тащили его дальше. Все грохотало и скрежетало, и потом вдруг воцарилась такая мертвая тишина, как будто в живых никого не осталось.

Все это я помню отчетливо. Единственное, чего я не помню, это то, как я поднялась, из какого положения. Я просто ощутила, что стою на ногах, без всякой крыши над головой и никого не вижу, так как крыша свисала вниз как перегородка и не давала никакой возможности ничего видеть вокруг: ни Сашу, ни тех, кто находился на противоположной стороне, так как самый большой общий вагон оказался вплотную с нашим.

Это был самый ужасный момент в моей жизни, когда, можешь себе представить, я поняла, что я жива, но что около меня нет никого из моих близких. Ах! Это было очень страшно! Единственно кого я увидела, были военный министр и бедный кондуктор, молящий о помощи!

Потом вдруг я увидела мою милую маленькую Ксению, появившуюся из-под крыши немножко поодаль с моей стороны. Затем появился Георгий, который уже с крыши кричал мне: “Миша тоже здесь!” и, наконец, появился Саша, которого я заключила в мои объятия. Мы находились в таком месте вагона, где стоял стол, но ничего, что раньше стояло в вагоне не уцелело, все было разрушено. За Сашей появился Ники, и кто-то крикнул мне, что Baby целая и невредимая, так что я от всей души и от всего сердца могла поблагодарить Нашего Господа за Его щедрую милость и милосердие, за то, что Он сохранил мне всех живыми, не потеряв с их голов ни единого волоса!

Подумай только, лишь одна бедная маленькая Ольга была выброшена из своего вагона, и она упала вниз с высокой насыпи, но не получила никаких повреждений, также как и ее бедная толстая няня. Но мой несчастный официант получил повреждения ноги в результате падения на него изразцовой печи.

Но какую скорбь и ужас испытали мы, увидев множество убитых и раненых, наших дорогих и преданных нам людей.

Душераздирающе было слышать крики и стоны и не быть в состоянии помочь им или просто укрыть их от холода, так как у нас самих ничего не осталось!

Все они были очень трогательны, особенно когда, несмотря на свои страдания, они, прежде всего, спрашивали: “Спасен ли Государь?” – и потом, крестясь, говорили: “Слава Богу, тогда все в порядке!”

Я никогда не видела ничего более трогательного. Эта любовь и всепоглощающая вера в Бога действительно поражала и являлась примером для всех.

Мой дорогой пожилой казак, который был около меня в течение 22 лет, был раздавлен и совершенно неузнаваем, так как у него не было половины головы. Также погибли и Сашины юные егеря, которых ты, наверно, помнишь, как и все те бедняги, кто находился в вагоне, который ехал перед вагоном-рестораном. Этот вагон был полностью разбит в щепки, и остался только маленький кусочек стены!

Это было ужасное зрелище! Подумай только, видеть перед собой разбитые вагоны и посреди них – самый ужасный – наш, и осознавать, что мы остались живы! Это совершенно непостижимо! Это чудо, которое сотворил Наш Господь!

Чувство вновь обретения жизни, дорогой Вилли, непередаваемо, и особенно после этих страшных мгновений, когда я с замиранием сердца звала своего мужа и пятерых детей. Нет, это было ужасно. Можно было сойти с ума от горя и отчаяния, но Господь Бог дал мне силы и спокойствие перенести это и своим милосердием вернул мне их всех, за что я никогда не смогу отблагодарить Его должным образом.

Но как мы выглядели – это было ужасно! Когда мы выбрались из этого ада, все мы были с окровавленными лицами и руками, частично это была кровь от ран из-за осколков стекла, но в основном это была кровь тех бедных людей, которая попала на нас, так что в первую минуту мы думали, что мы все были тоже серьезно ранены. Мы были также в земле и пыли и так сильно, что отмыться окончательно смогли только через несколько дней, настолько прочно она прилипла к нам...

Саша сильно защемил ногу, да так, что ее удалось вытащить не сразу, а только через некоторое время. Потом он несколько дней хромал, и нога его была совершенно черная от бедра до колена.

Я тоже довольно сильно защемила левую руку, так что несколько дней не могла до нее дотронуться. Она тоже была совершенно черная, и ее необходимо было массировать, а из раны на правой руке шла сильно кровь. Кроме того, мы все были в синяках.

Маленькая Ксения и Георгий также поранили руки. У бедной старой жены Зиновьева была открытая рана, из которой очень сильно шла кровь. Адъютант детей также поранил пальцы и получил сильный удар по голове, но самое ужасное произошло с Шереметевым, который был наполовину придавлен. Бедняга получил повреждение груди, и еще до сих пор он окончательно не поправился; один палец у него был сломан, так что болтался, и он сильно поранил нос.

Все это было ужасно, но это, однако, ничто в сравнении с тем, что случилось с теми бедными людьми, которые были в таком плачевном состоянии, что их пришлось отправить в Харьков, где они еще до сих пор находятся в госпиталях, в которых мы их навещали через 2 дня после происшествия...

Один мой бедный официант пролежал 2 с половиной часа под вагоном, непрерывно взывая о помощи, так как никто не мог вытащить его, несчастного, у него было сломано 5 ребер, но теперь, слава Богу, он, как и многие другие, поправляется.

Бедная Камчатка также погибла, что было большим горем для бедного Саши, любившего эту собаку и которому ее теперь ужасно недостает.

Тип (*кличка собаки императрицы Марии Федоровны. – В.Х.*), к счастью, забыл в тот день прийти к завтраку и таким образом, по меньшей мере, спас себе жизнь.

Теперь прошло уже три недели со дня происшедшего, но мы все еще думаем и говорим только об этом, и ты представь себе, что каждую ночь мне все снится, что я нахожусь на железной дороге...»¹².

Стоит отметить, что у императора Александра III, как и у его отца, была своя «личная» любимая охотничья собака. В июле 1883 г. матросы крейсера «Африка», вернувшегося из

---

¹² ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 303; Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 50–54.

дальнего плавания с Тихого океана, подарили ему камчатскую белую лайку с подпалинами на боках, которую назвали Камчатка. Лайка стала любимицей в царской семье, о чем свидетельствует множество записей в детских дневниках великих князей и княжон. Камчатка всюду сопровождала своего хозяина, даже ночевала в императорской спальне. Лайку брали с собой в морские плавания на яхте. Изображение собаки сохранилось и в семейных фотоальбомах. Император похоронил любимую лайку Камчатку, погибшую в железнодорожной катастрофе, под своими окнами дворца в Гатчине в Собственном Его Императорского Величества саду. Ей поставили памятник красного гранита (в виде небольшой четырехугольной пирамидки), где было высечено: «Камчатка. 1883–1888». В кабинете императора на стене висела акварель художника М.А. Зичи с надписью «Камчатка. Раздавлен при крушении Царского поезда 17 октября 1888 года».

Государственный секретарь А.А. Половцов (1832–1909) узнал об обстоятельствах железнодорожной катастрофы царского поезда, а также со слов императрицы Марии Федоровны записал 11 ноября 1888 года рассказ об этом происшествии в своем дневнике: «В 10½ час. еду в Гатчину и, встретив на станции Посьета, сажусь с ним вдвоем в приготовленный для него вагон. Разумеется, с первых слов начинается повествование о крушении. Посьет старается доказать мне, что причину крушения никак не состояние железнодорожного пути, а бессмысленное составление царского поезда по приказанию Черевина в качестве главного начальника охраны. Назначенный из инженеров охранный инспектор Таубе не мог делать при этом ничего иного, как повиноваться. На это я возражаю Посьету, что он сам должен был потребовать от Государя подчиниться разумным требованиям осторожности и в случае отказа просить увольнения от обязанностей, а отнюдь никак не сопровождать Государя в путешествии. С этим Посьет соглашается, говоря, что в этом исключительно считает себя виноватым. Относительно своей отставки Посьет утверждает, что, возвратясь в Петербург, сказал Государю: “Я опасаюсь, что потерял Ваше доверие. В подобных условиях совесть моя запрещает мне продолжать службу министра”. На это Государь будто бы отвечал: “Это дело Вашей совести, и Вам лучше, чем мне, знать, что Вам следует делать”. Посьет: “Нет, Государь, Вы мне дайте приказание, или оставаться, или выйти в отставку”. На такую фразу Государь ничего не отвечал. “Вернувшись домой и, обдумав все это еще раз, я написал Государю письмо, прося об увольнении. На это в ответ последовал приказ о моем увольнении”.

По приезде в Гатчинский дворец отправляюсь в комнаты императрицы вниз, где застаю множество военных и гражданских чинов, чающих представления. /.../.

Императрица принимает меня чрезвычайно любезно. Она не может говорить ни о чем ином, как о железнодорожном своем несчастье, которое и рассказывает мне в подробности. Она сидела за столом против Государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудой обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Через несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. “Она явилась мне как ангел, – говорила императрица, – явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, Государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука провидения, нас спасшего”. Рассказ этот продолжался около четверти часа, почти со слезами на глазах. Видно было, что до сих пор на расстоянии почти месяца ни о чем другом императрица не может продолжительно думать, что, впрочем, она и подтвердила, сказав, что каждую ночь постоянно видит во сне железные дороги, вагоны и

крушения. Окончив свое представление в нижнем этаже, я отправился наверх, в приемную Государя./.../

Из разговора с Оболенским я понял причину того недовольства, которое выказано мне было в довольно грубой форме. Дело в том, что на вел. князей Владимира и Алексея негодуют в Гатчине за то, что они тотчас после борского несчастья не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников. Оболенский, предаваясь негодованию относительно такого поведения вел. кн. Владимира Александровича, заключал так: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты». Таким оригинальным логическим выводам трудно дать серьезный ответ. Я отвечал общими местами и понял, что на меня, как на первого попавшегося представителя парижских праздников, было вылито негодование, вероятно, братьям своим он не решится вовсе выказать»¹³.

Несколько лет спустя император Александр III в письме к супруге вспоминал: «Я вполне понимаю и разделяю все, что ты испытываешь на месте крушения в Борках, и как это место должно быть нам всем дорого и памятно. Надеюсь, когда-нибудь нам удастся всем вместе со всеми детьми побывать там и еще раз возблагодарить Господа за чудесное счастье и что Он нас всех сохранил»¹⁴.

На месте крушения царского поезда была воздвигнута красивая часовня, где всякий раз при проезде Государя в ней служили молебны. Последний такой молебен в Российской империи в присутствии императора Николая II состоялся 19 апреля 1915 года.

Напомним, что уже 23 октября 1888 года был обнародован Высочайший Монарший Манифест, в котором все подданные извещались о случившемся в Борках: «Промысел Божий, – говорилось в манифесте, – сохранив Нам жизнь, посвященную благу возлюбленного Отечества, да ниспошлет Нам и силу верно совершить до конца великое служение, к которому Мы волею Его призваны».

С тех пор все члены царской семьи имели образки Спасителя, специально изготовленные в память пережитой железнодорожной катастрофы. Ежегодно при императоре Александре III в Санкт-Петербурге отмечалась годовщина «чудесного явления Промысла Божия над Русским Царем и всею Его Семей, при крушении Императорского поезда близ ст. Борки». Столица Российской империи в этот знаменательный день украшалась флагами, иллюминировалась. В Санкт-Петербурге в память об этом событии освятили часовню при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на Загородном проспекте.

Через некоторое время на месте железнодорожного крушения, у местечка Борки (Змиевского уезда, Харьковской губернии), в 43 верстах от Харькова был заложен храм Христа Спасителя. Он был сооружен в течение 1889–1894 гг. в память избавления царской семьи от опасности. Кроме того, в Санкт-Петербурге на Гутуевском острове был сооружен храм Богоявления Господня (1892–1899). День чудесного спасения (17 октября) во времена Государя Николая II навсегда остался днем памяти для царской семьи и членов Императорской фамилии, когда ежегодно все присутствовали на церковной службе и, возможно, на ум невольно многим приходили мысли о бренности всего земного, а порой о случайности и непредсказуемости событий.

Известна реплика Государя Александра III после железнодорожного крушения царского поезда 17 октября 1888 г. в Борках, когда, принимая поздравления о чудесном спасении царской семьи, он едко заметил: «Слава Богу, и я, и мальчишки живы. Как Владимир

---

¹³ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. М., 1966. С. 99–101.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 32–35; Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 54.

будет разочарован!»¹⁵. Однако не будем судить строго. Возможно, это только досужий вымысел «злых языков», которые, как известно, «страшнее пистолета». Хотя, очевидно, слухи ходили упорные. Так, например, младшая дочь Александра III великая княгиня Ольга Александровна на склоне лет диктовала свои воспоминания, в которых подчеркивалось: «Единственно, что объединяло братьев – Александра и Владимира Александровичей, – так это их англофобия. Но в глубине души великого князя Владимира жила зависть и что-то вроде презрения к старшему брату, который, по слухам, заявил после катастрофы в Борках: “Представляю себе, как будет разочарован Владимир, когда узнает, что мы все спаслись!”

Но императрице Марии Федоровне удавалось поддерживать – хотя бы внешне – добрые отношения между обеими семьями.

– Я знаю, что Мама² относилась к “Владимировичам” ничуть не лучше, чем остальные из нас, но я никогда не слышала от нее ни одного недоброго слова в их адрес»¹⁵.

Со своей стороны, нам стоит подчеркнуть, что в случае гибели царской семьи история России могла пойти другими, неизвестными путями. Реальность этого подтверждает дневниковая запись великого князя Константина Константиновича (более известного многим под именем поэта «К.Р.») от 19 октября 1888 г.: «Бог спас Государя от страшной опасности: на Курско-Харьковско-Азовской ж. д., второй паровоз и четыре вагона сошли с рельсов. Столовый вагон, в котором в это время завтракал Государь со своей семьей, разбит совершенно, но все остались, каким-то чудом невредимы. Военный министр, Черевин и Шереметев слегка ранены, из остальных сопровождавших 21 человек убит и 37 ранено. Все произошло, говорят, из-за лопнувшего рельса. Вчера утром в прибавлениях к «Правит[ельственному] Вестн[ику]» появилась телеграмма с этим известием, но про убитых и раненых ничего не было сказано... Страшно становится, когда подумаешь, что Государь, Государыня и все дети могли погибнуть, и престол перешел бы к маленькому Кириллу, так как Владимир, женатый на лютеранке, не может царствовать»¹⁶.

Указанное обстоятельство, относительно наследных прав на трон великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и его сыновей, до сих пор вызывает разную (часто взаимоисключающую) трактовку как среди современников тех событий, так и нынешних российских историков. Следует отметить, что Владимир Александрович как-то сам заметил по этому поводу своему дяде великому князю Михаилу Николаевичу (1832–1909), что при определенных обстоятельствах Мария Павловна немедленно перейдет в православие («во имя государства».

Между прочим, со своей стороны еще раз отметим, что великая княгиня Мария Павловна (старшая) долгое время оставалась лютеранкой, приняла православие лишь 10/23 апреля 1908 г. По закону о престолонаследии великому князю, женатому на не православной, закрывался путь к трону, как и его потомству от этого брака.

Великий князь Константин Константинович (1858–1915) вскоре сделал еще одну запись в своем дневнике:

«Пятница, 21 [октября].

Вчера много нас ездило в Гатчину встречать Государя... Да, это было чудо из чудес. Мы слышали бесчисленные рассказы об этом крушении и от самого Государя и от всех бывших с ним. Они в один голос говорят, что как бы воскресли из мертвых, и вступили в новую жизнь. Словно с войны возвращались они с перевязанными руками, головами... Государь до сих пор, кажется, чрезвычайно взволнован, удручен и грустен. И Он, и все его спутники ни о чем другом, как о крушении, не говорили»¹⁷.

---

¹⁵ Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 209.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 109.

¹⁷ Там же. Л. 110 об.

Цесаревич Николай Александрович после прибытия в Гатчину, находясь еще под ярким впечатлением от произошедшей катастрофы царского поезда, написал ответное письмо 25 октября 1888 года своему дяде великому князю Сергею Александровичу (1857–1905). В нем подробно излагались все трагические события:

«Мой милый дядя Сергей,

От души благодарю тебя за твое прелестное длинное и полное живейшего интереса письмо, которое получил только вчера одновременно с твоей телеграммой. Ты, наверное, знаешь про то ужасное несчастье, которое случилось с нами уже на возвратном пути из этого великолепного путешествия по Кавказу и едва не стоившее нам всем жизни, но благодаря истинному чуду Божию были спасены!..

17-го октября, на другой день по выезде из Севастополя, в 12 ч. дня, только что мы кончали завтрак, как вдруг почувствовали сильный толчок, потом другой гораздо сильнее первого и все начало рушиться, а мы попадали со стульев. Я еще видел, как над самой головой пронесся стол со всем, что было на нем, и затем пропал – куда? Никто не может понять. В жизнь свою не забуду я того ужасающего треска. Раздавшегося от всех ломавшихся вещей, стекол, стульев, звона тарелок, стаканов и т. п. Я невольно закрыл глаза и, лежа, ожидал все время удара по голове, который сразу покончил бы со мной; до того был я уверен, что настал последний час, и что наверное многие из нас уже убиты, если и не все. После третьего толчка все остановилось. Я лежал очень удобно на чем-то мягком и на правом боку. Когда я почувствовал сверху холодный воздух, то открыл глаза, и мне показалось, что лежу в темном и низком подземелье; над собой я видел в отверстие свет и тогда стал подыматься, без особого труда я вылез на свет Божий и вытащил Ксению оттуда же. Все это мне показалось сном, так это все скоро случилось. Когда я еще вылезал, я с леденящим ужасом подумал о дорогих Папа и Мама и никогда не забуду ту божественную радость, когда увидел их стоящими на крыше бывшей столовой в нескольких шагах от меня. Я тебя уверяю, мы все имели то чувство, что воскресли из мертвых и все внутренне благодарили и так помолились Богу, как может быть редко в своей жизни или никогда. Но, когда я увидел, что все сидевшие за завтраком вылезают один за другим из-под обломков, я постиг то чудо, которое Господь сотворил над нами. Но тут же начались и все ужасы катастрофы: справа, снизу и слева стали раздаваться стоны и крики о помощи несчастных раненых; одного за другим стали сносить этих несчастных вниз с насыпи. Нечем было им помочь, бедный Чекувер убит наповал, и его походная аптека разбита, а также воды неоткуда было достать. Вдобавок шел дождь, который примерзал к земле, и слякоть была большая, – вот тебе слабое представление этой потрясающей картины. От столовой ничего не осталось, вагон Ксении, Миши и Беби совершенно соскочил с пути и повис наполовину над насыпью. Он страшно поврежден, пол и одна стена сорваны и через открытое пространство Беби и Нана (*миссис Элизабет Франклин. – В.Х.*) были выброшены на откос, также невредимы. Большой вагон Папа и Мама сильно помят, пол очень скривлен и вообще внутренность его представляет хаос, так как вся мебель и все вещи сброшены со своих мест и свалились в углы в общую кучу. Вагоны – кухня и буфет, и вагон 2-го класса сильно исковерканы, и в них-то произошли главные ужасы. Почти все находившиеся в них убиты или тяжело ранены. На кого я первым наткнулся, это было на бедную Камчатку, которая лежала уже мертвою; мне стало невыразимо грустно [за] бедного Папа, как он впоследствии будет скучать без этой доброй собаки; хотя как-то совестно говорить об этом, когда рядом лежало 21 тело самых лучших и полезных из людей. Раненых было всего 37 чел. Мама все время, не переставая, обходила раненых, помогала им всем, чем могла и всячески утешала, ты себе представляешь их радость!

Но всего мне не написать, Бог даст, когда снова увидимся, многое еще расскажем вам. Из Харькова пришел санитарный поезд, и увезли наших раненых в клинику.

Уже совсем стемнело, когда мы вошли в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовая был отслужен молебен, и затем панихида. Два дня спустя была трогательная встреча в Харькове, где навестили все раненых. На другой день в Москве были у Иверской Б[ожией] М[атери], в Успенском Соб[оре] в Чудовом мон[астыре]. Приехали в Гатчино 21-го с великою радостью быть, наконец, дома. А пока прощай. Мой дорогой дядя Сергей. Крепко Вас трех обнимаю.

Твой *Ники*»¹⁸.

Через месяц после железнодорожной катастрофы, т. е. 17 ноября 1888 года, император Александр III писал своему брату великому князю Сергею Александровичу: «Прости мне, милый Сергей, что до сих пор не отвечал тебе на твои два письма; первое длинное и очень интересное из Иерусалима, а второе из Афин. По возвращении сюда я завален был работой и письмами и не мог найти времени. – После нашего столь счастливого и великолепного путешествия по Кавказу и Черному морю, мы радовались возвращаться домой, и выехали из Севастополя счастливые, веселые и в лучшем настроении духа после столь отрадных впечатлений. – Вечер был дивный, летний; Севастополь со своими чудными бухтами и всей эскадрой на рейде, освещенные лучами заходящего солнца и дым от салюта тоже розовый от заката, представляли чудную картину и под этим дивным впечатлением оставили мы наш чудный юг! Но Боже, что предстояло нам на завтрашний день! Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость»¹⁹.

После трагического происшествия с царской семьей многие поговаривали о проблеме преемственности прав на Российский престол. Закон о престолонаследии, принятый императором Павлом I в 1797 году, устанавливал ряд обязательных условий для претендентов на корону самодержца. Во-первых, монарх должен быть православным. Во-вторых, монарх должен быть только мужчиной, пока существуют лица мужского пола в Императорском Доме. В-третьих, мать и жена монарха или наследника должны были еще до своей свадьбы перейти в православие, если они исповедовали другую веру. В-четвертых, монарх или наследник должны заключить «равный брак» с женщиной из другого «правлящего дома»; в противном случае «неравный брак» закрывал путь к царскому трону не только этой супружеской чете, но и их наследникам. Кроме того, существовало еще одно обязательное условие, что будущий претендент на престол мог жениться лишь с разрешения правящего императора.

В связи с этими событиями великий князь Михаил Николаевич по большому секрету поведал государственному секретарю А.А. Половцову о разговоре с императором Александром III, который состоялся 18 января 1889 г. Половцов записал в своем дневнике:

«Вел. кн. Михаил Николаевич рассказывает, что в прошлую среду Государь долго говорил с ним о том, что вел. князья должны жениться исключительно на православных, и в доказательство неудобства противного ссылался на то, что могло произойти в случае иного исхода борской катастрофы. Если бы все они были убиты, то, по мнению Государя, на престол должен бы вступить не Владимир Александрович, отказавшийся от престола при женитьбе на лютеранке, а старший сын его – Кирилл. Какую бы все это произвело путаницу!

---

¹⁸ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 67–70 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 81–81 об.

Вел. кн. Михаил Николаевич собирается переговорить обо всем этом с министром двора Воронцовым, но я убедительно прошу его сохранить этот разговор с Государем в глубокой тайне»²⁰.

Однако, если к этому мнению относиться достаточно строго, то видно, что оно не соответствовало всем выше перечисленным требованиям закона о престолонаследии. Если великий князь Владимир Александрович был женат на лютеранке, что закрывало ему путь к престолу, то дети (рожденные в таком браке) тоже лишались этих прав.

Что касается великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), то он при своей женитьбе нарушил закон о престолонаследии по двум пунктам. Против воли Государя и канонов Православной церкви 8 (25 сентября) октября 1905 г. великий князь Кирилл Владимирович женился в Баварии на своей разведенной двоюродной сестре великой княгине Виктории Федоровне (1876–1936), урожденной принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской. Император Николай II лишил его титула и званий, запретив въезд в Россию. Однако через короткое время титул великого князя Кириллу Владимировичу был возвращен. Брак был признан Императорской фамилией только 15 июля 1907 г.

По этому случаю великий князь Константин Константинович 15 июля 1907 года с возмущением записал в своем дневнике: «“Снисходя к просьбе Владимира...”», – так сказано в указе Сенату, – Государь признал брак Кирилла. Жену его повелено называть великой княгиней Викторией Федоровной, а их дочь Марию княжной императорской крови. Странно все это! При чем здесь просьба Владимира? И как может эта просьба узаконить то, что незаконно? Ведь Кирилл женился на двоюродной сестре, что не допускается церковью... Где же у нас твердая власть, действующая осмысленно и последовательно? Страшнее и страшнее становится за будущее. Везде произвол, побряжки, слабость»²¹.

Приведем еще одно свидетельство. В 1912 году, когда младший родной брат царя, великий князь Михаил Александрович (1878–1918), вопреки запрету Государя самовольно женился морганатическим браком на Н.С. Брасовой и встал вопрос об его лишении титула и прав на трон, то в это дело вмешался великий князь Николай Михайлович (1859–1919). Он направил 16 ноября 1912 г. письмо императору Николаю II, весьма любопытное по содержанию: «Много я передумал о том положении, которое создается от брака Миши. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными. Ведь Кирилл, как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол и в качестве *heriticr presumptif* явится Борис. Если это будет так, то я прямо таки считаю положение в династическом смысле угнетающим.

Осмеливаюсь выразить такое суждение: Тебе, как Государю и главе семейства, вверены судьба наших семейных законов, которые Ты можешь изменять в любое время. Но я иду еще дальше. Во всякое время, одинаково, Ты имеешь право изменить также закон о престолонаследии... Так, например, если Ты пожелал бы передать право наследства в род Твоей старшей сестры Ксении, то никто и даже юристы с их министром юстиции, не могли бы Тебе представить какие-либо доводы против такого изменения закона о престолонаследии. Если я позволяю себе говорить и излагать на бумаге такого рода соображения, то единственно потому, что возможное отречение от Престола Миши, я считаю просто опасным в государственном отношении.

Весь Твой *Николай М[ихайлович]*»²².

Историк Г.М. Катков приводит сведения о том, что тетка Михаила Александровича великая княгиня Мария Павловна (1854–1920) считала, что младший брат царя стоит на пути

---

²⁰ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 150.

²¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 58; Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 302–303.

²² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52–53 об.

ее собственных детей, из которых старший – Кирилл Владимирович – мог бы быть следующим престолонаследником.²³

Кроме того, не стоит забывать, что великий князь Кирилл Владимирович одним из первых нарушил присягу императору в мятежные дни февраля 1917 года, когда привел Гвардейский экипаж и признал верховенство Государственной думы. Хотя многие из сторонников Кирилла Владимировича (провозгласившего себя императором в изгнании) пытались оспорить или оправдать его «позорное поведение», чем были возмущены многие из династии Романовых, включая в свое время царскую чету. Однако это тема для особого обстоятельного разговора, к чему мы еще вернемся позднее.

Сам великий князь Владимир Александрович (1847–1909) утверждал, что он никаких бумаг не подписывал «об отречении от трона», а его младший брат Алексей Александрович (1850–1908) поддерживал его, заявляя, что Государь оказался в данном случае не прав. Нам думается, что самодержец Александр III имел веские основания и знал, о чем говорил, а его супруга императрица Мария Федоровна повторила его слова после Февральской революции, в эмиграции, в связи с претензиями великого князя Кирилла Владимировича на Российский престол. Не правда ли, эта «маленькая тайна» последних представителей правящей династии Романовых в какой-то степени напоминает «тайну завещания» императора Александра I (1777–1825). В этом завещании права наследника престола, великого князя Константина Павловича (1779–1831), передавались в пользу его младшего брата Николая Павловича (1796–1855). Все это, как известно, послужило впоследствии поводом для восстания Декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга в 1825 г.

---

²³ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 396.

Покушение на цесаревича Николая Александровича в Японии

В популярной исторической литературе давно существует устоявшаяся версия о событиях покушения самурая на наследника престола цесаревича Николая Александровича во время его знаменитого морского путешествия на Восток в 1890–1891 гг. в японском городе Оцу. Встречаются разночтения в наименовании этого небольшого местечка (Отсу, Отцу, Оцу). Во многих исторических работах и документальных фильмах приводятся сведения, что якобы кузен цесаревича, греческий принц Георг (1869–1957) подставил в момент покушения под саблю террориста свою трость, чем смягчил удар и тем спас жизнь будущего императора Николая II. В частности, в книге нашей соотечественницы писательницы Л.П. Миллер, которая живет в Австралии, указывается: «В Японии на него было совершено покушение. На вокзале города Оцу внезапно выскочил прятавшийся японец-самурай и ударил его мечом. Лезвие оружия скользнуло по голове Цесаревича и нанесло ему неглубокую рану в области лба. Самурай размахнулся второй раз, намереваясь рассечь голову будущего царя, но греческий принц Георг, который был рядом, успел вовремя отпарировать удар своей палкой»²⁴.

Приведенная версия происшествия отличается от большинства других, но это не творческая выдумка или художественный ход писательницы. В частности, все в тех же упомянутых нами мемуарах великого князя Александра Михайловича утверждается: «На следующий день мы расстались: я вернулся к прерванной охоте, а Николай Александрович продолжал свой путь в Японию. На вокзале в Киото какой-то изувер ударил его саблей по голове, и если бы принц Георг Греческий не ослабил силу удара, наследник поплатился бы жизнью»²⁵.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о другом ходе событий. Попытаемся разобраться, где мифы, а где реальность.

Весной 1890 года цесаревич Николай Александрович заканчивал регулярные занятия. В связи с этим у императора Александра III возникла мысль отправить своих двух старших сыновей Николая и Георгия в большое заграничное путешествие.

Долго это дело обсуждалось, не могли прийти к окончательному решению насчет маршрута. План путешествия составлял наставник цесаревича генерал Г.Г. Данилович, которому помогали адмирал И.А. Шестаков, географ А.И. Воейков и капитан 1-го ранга Н.Н. Ломен. В основном выдвигалось два варианта. Первый через Атлантический океан, далее через Америку, Тихий океан и Сибирь, т. е. кругосветное путешествие. Посетить Североамериканский континент очень рекомендовал брат царя, великий князь Алексей Александрович (1850–1908), который всю жизнь служил во флоте. Однако этот маршрут, а фактически кругосветное путешествие, не могло закончиться ранее, чем через год. Другой предполагал морской поход через Суэцкий канал по Красному морю и Индийскому океану вокруг Азии до Японии, затем через Америку и далее домой. Второй план путешествия имел еще короткий вариант: после посещения Японии вернуться в Петербург не через Америку, а через Дальний Восток и Сибирь, т. е. через всю необъятную Российскую империю.

7 января 1890 года Александр III имел со старшим сыном Николаем обстоятельный разговор о предстоящей поездке. Цесаревич этой неожиданной беседой был смущен и взволнован. Августейший отец ему сообщил, что решил отправить его вместе с братом Георгием в морское путешествие вокруг Азии, с посещением Японии и Североамериканских Шта-

---

²⁴ Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 49–50.

²⁵ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 163.

тов, что было важно в международном аспекте. Послушный Николай не стал возражать, как никогда не возражал и раньше, хотя сам он предпочитал из путешествия вернуться домой через давно манившие его просторы Сибири, где редко бывал кто-либо из Дома Романовых.

Таким образом, вопрос был окончательно и бесповоротно решен. Поездку наметили на осень, а пока обсуждали детали, утверждали подробные маршруты и программу путешествия по осмотру достопримечательностей различных стран мира, посещение высших должностных лиц и правителей, церемониал визитов; определялся и состав свиты цесаревича. Однако, как ни старались, но оказалось, что все предвидеть и учесть было просто невозможно.

Главный смысл этой познавательной экспедиции состоял в том, чтобы, с одной стороны, способствовать расширению кругозора будущего «самодержца» Государства Российского, а с другой – научить его самостоятельно принимать решения и нести полную ответственность за свои слова и поступки.

Цесаревич покинул Гатчину 23 октября 1890 года. По железной дороге он и спутники прибыли в Вену, а оттуда в Триест и там 26 октября пересели на военный русский фрегат «Память Азова».

В октябре 1890 года наследник престола в сопровождении свиты и родного брата Георгия Александровича (1871–1899) начал большое заграничное морское путешествие, посетив многие страны мира. Путешествие для цесаревича Николая и его молодых спутников оказалось интересным и познавательным. Он видел грандиозный Суэцкий канал, вместе с принцами шведским и греческим поднимался на пирамиду Хеопса, восхищался Индией и экзотикой тропиков, побывал в Индонезии и Китае. Однако его родной брат великий князь Георгий Александрович в связи с резким ухудшением состояния здоровья (болезнь легких) вынужден был прекратить дальнейшее плавание и вернуться с полдороги (от Цейлона) в Россию. У самого цесаревича Николая в самом начале круиза, судя по всему, было подавленное настроение. В письме из Афин от 5 ноября 1890 года он с грустью писал домой:

«Моя милая душка Мама,

Я только что получил твое чудное длинное письмо, за которое я не могу тебя достаточно поблагодарить. Пока я его читал, я едва удерживался от слез, при воспоминании того ужасно грустного и тяжелого дня, когда мы расстались на так долго! Пока мы ехали, я все время мысленно был с вами в Гатчине и час за часом следил за тем, что вы должны были в это время делать. Единственным утешением в вагоне были завтраки и обеды, в разговорах с моими спутниками я забывал на несколько минут мое горе. Я так тронут тем, что ты говоришь в твоём письме, и я молю Бога, чтобы Он тебя утешил и не позволил бы грустить о нашем отсутствии! Подумай, милая Мама, каждый день, который проходит, все приближает счастливый день нашего возвращения домой...

Первые три дня мы провели у себя спокойно, но, как я уже писал в телеграмме, после этого началась серия балов подряд: первый был во дворце, второй у французского посланника (Доуен) и сегодня третий – у Опу. В сущности, я очень веселился, почти как у нас; много знакомых: с прошлого года и порядочно красивых дам – жаль только, что балы следуют три дня подряд. В общем, они чрезвычайно напоминают наши балы, только мазурку не танцуют. Вчера у француза было страшно тесно, мне в первый раз пришлось плясать во фраке; говорят, что сегодня у Опу будет еще меньше места. Наши моряки очень усердно танцуют, Оболенский и Волков также, Барятинский не может, а Кочубей и Ухтомский не умеют...

Жаль, что мы остаемся тут всего неделю, тете Ольге (*греческая королева Ольга Константиновна. – В.Х.*) так хотелось устроить праздник на «Азове», но положительно времени не хватает. Мы уходим в среду 7-го в Порт-Саид и надеемся быть в Каире 10-го. Завтра уезжают д. Павел [Александрович] и Аликс (*великокняжеская семья. – В.Х.*), она привезет тебе это письмо. Ожидаем с громадным нетерпением прибытия первого фельдъегеря в Каир.

Теперь прощай, моя милая душка Мама. Нежно обнимаю тебя, дорогого Папа, Ксению, Мишу и Ольгу. Низкий поклон от моих спутников. Да хранит тебя Бог!

Твой *Ники*»²⁶.

На столе в каюте наследника, рядом с фамильными портретами, постоянно находился и портрет любимой принцессы Аликс. Еще во время путешествия Николай Александрович через курьера получил долгожданное письмо от великой княгини Елизаветы Федоровны (1864–1918), где содержались обнадеживающие новости:

«*Петербург.*

5 марта 1891 года.

Дорогой Ники!

С любовью благодарю за твое милое письмо. С тех пор как я в последний раз писала тебе, у нас столько всего произошло – Сергея [Александровича] назначили генерал-губернатором Москвы. Мы были очень тронуты тем доверием, которое твой отец оказал моему дорогому мужу, дав ему такую важную должность, и добротой и любовью, которые он проявил, сделав Сергея своим генерал-адъютантом. Но ты легко можешь себе представить, как нас взволновало начало совершенно новой жизни...

Я получила несколько писем от Пелли (*т. е. принцессы Аликс. – В.Х.*). Бедняжка, она мучает себя еще больше, чем всегда, и умоляет передать тебе со всей определенностью, что она вправду считает, что этому никогда не бывать. Но ее любовь сильнее, чем раньше, и я вижу, что она думает только о тебе. Тебе придется воевать самому, а я все же всегда надеюсь на Божью помощь. Почему не встретится такое глубокое чувство с обеих сторон? Я даю ей книги – те же, которые я прочла сама, и она, к счастью, их читает и, может быть, в конце концов, так полюбит эту веру, что это даст ей решимость мужественно встретить все, то недоброе, что могут о ней сказать. И, наконец, я помню, как сама думала, что никогда не переменюсь, а сейчас так счастлива этим. Она передает тебе большой привет. Молись, дорогой, очень усердно, и, может быть, все будет хорошо.

Суббота перед Вербным воскресеньем будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву.

У нас стоит тихая погода, а за границей везде холодно, совершенно необычно для этого времени года.

От нас обоих большой привет,

остаюсь твоя любящая

Тетушка»²⁷.

Великая княгиня Елизавета Федоровна (старшая сестра принцессы Аликс), как сообщала в письмах цесаревичу, твердо решила принять православие. Это стало общим знаменательным событием для всей Императорской фамилии. Великий князь Константин Константинович (1858–1915) записал в своем дневнике:

«*1891 год. Санкт-Петербург*

14 апреля.

Вчерашний день был знаменателен для нашего Дома: Элла присоединилась к Православию. Она сделала это не из каких-нибудь целей, а по твердому убеждению, после зрелого двухлетнего размышления. Трогательный обряд присоединения совершился у Сергея [Александровича] в его домовую церковь, рано утром. Присутствовали Государь, все семей-

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 96–99 об.

²⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 25а–26а об.; Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 14–15.

ство (кроме Михен и моей жены, которым как лютеранкам неудобно было присутствовать) и некоторые близкие знакомые. За обедней Элла причастилась...»²⁸.

В связи с этим событием цесаревич подарил своей тете Элле небольшой образ Спасителя на золотой цепочке, с которым она не расставалась вплоть до мученической смерти от рук чекистов в 1918 г. Эта реликвия (по некоторым сведениям) в настоящее время хранится в храме-памятнике Николаю II в Брюсселе в Бельгии.

Однако вернемся к путешествию цесаревича Николая Александровича, которого поджидали роковые превратности судьбы.

15 апреля 1891 года экспедиция русского престолонаследника прибыла в Нагасаки, где была очень торжественно встречена. Затем началась познавательная поездка по Японии.

После двух недель пребывания в Стране восходящего солнца, престолонаследник с сопровождающими из древнейшей японской столицы Киото поехали в городок Оцу. Осмотрели древний храм, а затем наступил торжественный обед у губернатора. По окончании трапезы сели в повозки-рикши и отправились обратно.

Круиз завершился в Японии неожиданным покушением на наследника Российского престола. Дело обстояло так, 29 апреля 1891 года цесаревич Николай Александрович и сопровождавший его в этом путешествии кузен, греческий принц Георг (1869–1957), в отличном расположении духа отправились в очередную поездку по стране в небольшой городок Оцу. Ничего, казалось бы, не предвещало беды. Однако, проезжая по одной из узких улочек уютного городка, Августейший гость подвергся неожиданному нападению полицейского.

Вот как сам цесаревич Николай Александрович описал этот инцидент 29 апреля в своем дневнике: «Проснулся чудесным днем, конец которого я бы не видел, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога! В 8½ [часов] отправились в джинрику (т. е. в коляске рикши. – В.Х.) из Киото в небольшой городок Оцу, куда приехали через час с ¼, удивлялся неумоимости и выносливости наших джинрикушей. По дороге в одной деревне стоял пехотный полк, первая часть, виденная нами в Японии.

Немедленно осмотрели храм, и выпили горького чаю в крошечных чашках; затем спустились с горы и поехали к пристани. Ехали вдоль канала, прорытого из оз[ера] Бива внутри гор, работа поистине египетская! С пристани отправились на паровых катерах по озеру к дер[евне] Карасаки, где на мысе стоит огромная сосна около 1000 лет и при ней маленький храм. Здесь рыбаки поднесли разного рода рыбы, только что вытасканные при нас – лососи, форели, лещи, плотва и др.

Вернувшись в Оцу, поехали в дом маленького кругленького губернатора. Даже у него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь; тут Джоржи (греческий принц Георг. – В.Х.) и купил свою бамбуковую палку, сослужившую мне через час такую великую службу.

После завтрака собрались в обратный путь. Джоржи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера! Выехали мы опять в джинрикушах в том же порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках.

Я только крикнул: “Что тебе?” и выпрыгнул через джинрикушу на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны. Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джоржи, бежавшего за преследовавшим меня полицейским. Наконец, пробежав

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 66 об.

всего шагов 60, я остановился за углом переулочка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено: Джорджи – мой спаситель – одним ударом своей палки повалил мерзавца; и когда я подходил к нему, наши джинрикши и несколько полицейских тащили того за ноги; один из них хватил его же саблей по шее.

Все ошалели; чего я не мог понять, это каким образом Джордж, я и тот фанатик оставались одни посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне и остановить полицейского. Из Свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей; даже принц Арисугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне же пришлось всех их успокаивать, и я нарочно оставался подольше на ногах. Рамбах сделал первую перевязку, а главное, остановил кровь; затем я сел в джинрикшу, все окружили меня: и так шагом мы направились в тот же дом. Жаль было смотреть на ошалевшие лица принца Арисугава и других японцев; народ на улицах меня тронул; большинство становилось на колени и поднимало руки к лицу в знак сожаления. В доме губернатора мне сделали настоящую перевязку и положили на диван в ожидании прибытия поезда из Киото. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих Папа и Мама и о том, как написать об этом случае в телеграмме. В 4 час[а] отправились на жел[езную] дорогу под большим конвоем пехотного батальона. В поезде и в карете в Киото голова сильно ныла, но не от раны, а от туго завязанного бинта. Как только приехали к себе, сейчас же доктора приступили к заделке повреждений на голове и к зашиванию ран, которых оказалось две. В 8½ [часов] все было готово; я себя чувствовал отлично, после скудного (диета) обеда лег спать с мешком льда на башке. Вот как благодаря милости Божьей этот день благополучно кончился!»²⁹.

30 апреля 1891 года вечером МИД Российской империи получил от русского посланника телеграмму о покушении на жизнь наследника русского престола. Два часа спустя, в 22 ч. 30 м., телеграмму передали в Гатчину – императору Александру III:

«Киото, 29 апреля / 11 мая 1891 г.

Сегодня на улице в г. Отсу полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря Богу, неопасна. Его Высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привел всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел (*Японии. – В.Х.*) мое негодование».³⁰

Цесаревич Николай Александрович вскоре написал письмо матери с описанием произошедшего нападения на него японского полицейского, в основном повторив то, что записал в дневнике. Он стремился быстрее лично успокоить дорогих родителей, заверив их, что чувствует себя хорошо.

В храмах по всей России был отслужен благодарственный молебен за спасение наследника престола. В дальнейшем этот день в царской семье регулярно отмечался в течение всей жизни Государя Императора Николая II.

Как отмечал князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921), находившийся в свите и позднее написавший трехтомник «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891»³¹, первыми словами Николая Александровича после этого инцидента были: «Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие». Эти

²⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 188–194.

³⁰ Ламздорф В.Н. Дневник: 1891–1892. М.-Л., 1934. С. 155.

³¹ Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 / Автор-издатель кн. Э.Э. Ухтомский. Т. III. СПб.; Лейпциг, 1897.

же слова были повторены «цесаревичем тотчас же принцу Арисугава, подбежавшему к нему несколько секунд спустя».

Великий князь Константин Константинович 1 мая 1891 г. записал в дневнике: «Когда я встал вчера, камердинер Степанов показал мне “Правительственный вестник”, в котором была телеграмма об избавлении Цесаревича от грозившей ему опасности. Это было в Японии, в окрестностях города Киото. На наследника напал японец-полицейский и нанес ему удар саблею по голове. Бывший тут мой племянник Georgie, грек, повалил на землю злоумышленника, ударив его палкой. Рана Цесаревича, к счастью, не опасна, он не слег и чувствует себя хорошо. В Гатчине был назначен благодарственный молебен. Я и так собирался ехать туда являться по случаю выступления в командование [Преображенским] полком, а тут и вся семья туда поехала. Я был позван к Государю в его приемный кабинет, хотя прием и был отказан. Я вошел к Государю, как только кончился доклад статс-секретаря по делам Финляндии Дена. Царь меня поцеловал и, выслушав мои поздравления со спасением Цесаревича, сказал, что телеграммы приходят успокоительные, что у Ники нет лихорадки, и он продолжает путешествие»³².

Весь мир переживал это драматическое происшествие, но больше всех беспокоились в Российской империи, куда весть об инциденте пришла по телеграфу в тот же день. Известный поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) под впечатлением нахлынувших патриотических эмоций написал стихотворение, посвященное чудесному спасению наследника престола.

*Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукрат Ты Руси умиленной,
Божия Промысла щит над Тобой!*

*Вихрем промчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой всей русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
Шествуй же в путь свой и бодр и спокоен...
Чист перед Богом и светел душой.*

Получив тревожную весть, император Александр III был глубоко потрясен и тяжело переживал за благополучие цесаревича. Он 6 мая 1891 года написал сыну (в день его рождения) трогательное письмо, в котором имеются такие строки: «От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что все это не сон, не отвратительный кошмар. Никогда не забуду, когда получили первое сообщение об этом ужасном происшествии... Как достаточно благодарить Господа, что Он тебя сохранил и что ты мог уже через день вернуться на фрегат к эскадре и быть снова среди своих и дома! Я воображаю отчаяние Микадо (*императора Японии*. – В.Х.) и всех сановников японских, и как жаль для них и все приготовления и празднества – все пропало и не к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что, благодаря всему ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернешься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дожидаться этого не могу от нетерпения. Ни

---

³² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 79 об.–80.

о чем другом не могу сегодня писать, так эти дни мы мучились и беспокоились... Сегодня день твоего рождения, а я так увлекся, что и не поздравил тебя, но все письмо – поздравление и благодарение Всемогущему за все Его милости! Христос с тобой, мой дорогой Ники! (Истинно Он был с тобой).

Твой Папа»³³.

Император Александр III приказал прервать путешествие и возвратиться в Россию, куда цесаревич и прибыл 11 мая 1891 года, где его ждали ответственные поручения. Цесаревич Николай Александрович присутствовал во Владивостоке на закладке памятника адмиралу Г.И. Невельскому и сухого дока в гавани. Он участвовал при начале работ по созданию Уссурийского участка Сибирской железнодорожной магистрали, 19 мая присутствовал при закладке здания вокзала на станции «Владивосток».

Цесаревич возвращался в Санкт-Петербург из Владивостока через всю Российскую империю, где на перекладных, где паромом, т. к. железная дорога на тот момент была проложена только до Оренбурга. Мало кто знает, но наследник престола Николай Александрович в этот период посетил Тобольск, где при Временном правительстве и большевиках он будет отбывать с семьей ссылку. В дневнике цесаревича за 1891 год читаем:

«9 июля. Вторник.

Рано утром пришли в село Самарово уже на Иртыше, где была собрана громадная депутация от всех волостей Тобольской губернии; их 260. Она поднесла хлеб-соль на красивом золотом блюде. У пристани поставлен шатер, очень кстати по случаю проливного дождя, лившего всю ночь. Несколько человек хотело поднести зверей: медвежонка, двух лисиц, оленя; но с ними было поступлено так же как на Уссури и на Амуре: звери оставлены, а хозяева одарены. В 9 ч. пошли вверх Иртыша, он вначале так же широк, как Обь. Далее берега становятся более густонаселенными и живописнее, нежели Обские, где сплошь тянутся тундры в обе стороны. Шли очень хорошо против течения. Вечером играли в макао, что напомнило всем веселое время на «Владивостоке» во время плавания по Янтсе-киангу; разумеется, проиграл 40 руб. Ухтомский же по обыкновению выигрывал и срывал все банки. В 12 час. пришли в село Демьянское, где грузились дровами, тут же представилась депутация с хлебом-солью от граждан г. Кургана, в числе пяти купцов.

10 июля. Среда.

Проснулся поздно с отвратительной погодой. Почти целый день писал письма. В 7 час. вечера пришли в Тобольск при тусклом сером освещении. На пристани как всегда встретил городской голова с хлебом-солью, граждане гор. Тюмени и ремесленное общество с блюдами; затем все власти, офицеры и почетный караул от Тобольского резервного батальона. Сел в коляску с Тройницким и поехал на гору в собор по оригинальным досчатым улицам города; порядка было гораздо меньше чем в Томске. Из собора пошел осмотреть ризницу, в которой хранится множество весьма любопытных предметов, относящихся ко времени покорения Сибири! Посетив преосвященного... (*далее пропуск чистого места. – В.Х.*), поехал в музей. Здесь меня более всего интересовал колокол, сосланный из Углича за то, что он бил в набат в день смерти царевича Дмитрия. Мне также очень понравилась необширная, но редкая библиотека. Оттуда прошел в сад, где были собраны все учебные заведения. Осмотрел памятник Ермаку, от которого великолепный вид на город и Иртыш. В летнем общественном собрании городские дамы угощали чаем; познакомился со старухой-девицей, которая в 1837 г. танцевала с Анпапа (*имеется в виду Александр II. – В.Х.*) здесь во время Его путешествия по Западной Сибири. Проехавши по городу в сырой темноте, вернулся на паром,

³³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 56–57 об.

где ожидал фельдъегерь с письмами. После ужина простился с Тобольском, и мы отвалили и пошли дальше. Поиграл в домино»³⁴.

Только 4 августа 1891 года счастливые родители со слезами на глазах смогли обнять своего старшего сына в Петербурге.

Происшествие в Японии, как, впрочем, и все, что происходило в Императорском Доме Романовых, стало вскоре достоянием широких кругов общества. Известный московский репортер В.А. Гиляровский (1855–1935) набросал довольно едкий и актуальный для всех времен экспромт, который тайно ходил по рукам:

Приключением в Оцу
Опечален царь с царицею
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицией.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Покушение на Николая Александровича в Японии показало, что жизнь представителей царской семьи не была гарантирована от террористов не только в России, но и за рубежом. В связи с этими событиями, на всякий случай, в царской семье великий князь Георгий Александрович 11 июня 1891 г. был назначен опекуном над младшим братом Михаилом.

Инцидент в Оцу вызвал массу толков как в России, так и в других странах. Он широко освещался на страницах мировой печати. Однако многие обстоятельства покушения на цесаревича, в частности, причины и цели, а также его организаторы, остались нераскрытыми. Вызывает интерес поведение тридцатисемилетнего полицейского-террориста в ходе следствия, который вроде бы долго не давал никаких показаний, а затем выдвинул сомнительную версию, что он принял цесаревича за того человека, который прибыл в страну со шпионскими целями для подготовки вторжения в Японию. В итоге Верховный суд приговорил Цуда Сандзо к пожизненному заключению, хотя японское правительство настаивало на вынесении ему смертной казни. Внезапная смерть осужденного в тюрьме спустя всего несколько месяцев после суда дала еще один повод полагать, что это не был маньяк-одиночка, а само покушение было подготовлено достаточно влиятельными силами.

Это «темное дело» позднее даже пытались привязать к дипломатическим и военным событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. В доказательство последнего часто ссылаются на авторитет влиятельного сановника графа С.Ю. Витте (1849–1915), который указывал в опубликованных воспоминаниях по этому поводу следующее: «Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петербурге; он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т. е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатление о Японии и о японцах, в частности.

Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев, как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд

---

³⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 75–75 об.

на Японию с особой легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно.

Когда началась последняя ужасная и несчастная война, то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с Высочайшими надписями, в которых император называет японцев “макаками”.

Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта, то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке, не заявили бы, что мы должны иметь верховенство в Тихом океане, не захватили бы Порт-Артур, не втюрились бы в эту войну и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще больше как ее последствия...

Наконец, поездка из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, конечно, тоже не могла не произвести реального впечатления величия той роли, которая Богом предназначена для молодого наследника, будущего императора.

Поэтому, естественно, все это вместе в мировоззрении молодого цесаревича не могло не занять своего места среди других впечатлений, которые должны были найти приют в сердце и уме цесаревича. Он гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и к Западу.

Вследствие этого, можно сказать, поездка его на Дальний Восток в известной степени как бы предрешила и характер всего его царствования. Вот почему я говорю, что поездка эта была фатальна»³⁵.

Можно, конечно, соглашаться или нет с такими однозначными выводами графа С.Ю. Витте, но нельзя не учитывать, что воспоминания им писались в 1911 году, когда бывший министр давно находился в отставке и испытывал к царю, так сказать, не лучшие чувства. Впрочем, многие дипломаты отмечали, что Николай II во внешней политике определенно держался по крайней мере двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии и прав был его прадед Николай I, когда говорил, что «где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя». Вместе с тем известно, что Николай II высказывал в этой области политики и другое мнение: «Пойти вперед легко, остановиться трудно».

Однако вернемся к дневникам самого цесаревича во время нахождения его еще в Японии. Записи в дневнике в какой-то степени опровергают утверждения воспоминаний графа С.Ю. Витте. Спустя всего два дня после покушения, 1 мая 1891 года, Николай Александрович отмечает в поденной записи: «Встал бодрым и веселым... Все японское мне так же нравится теперь, как и раньше 29-го, и я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика, их соотечественника; мне так же, как прежде, любы их образцовые вещи, чистота и порядок...»³⁶.

6 мая 1891 года цесаревич торжественно отметил на борту фрегата «Память Азова» свое 23-летие и лично вручил двум своим спасителям-джинрикам «по золотой медали и по 2500 долларов каждому, сказав им, что они будут получать по 1000 дол[ларов] пенсии ежегодно до смерти»³⁷. По тем временам это были очень большие деньги.

В день отъезда из Японии 7 мая 1891 года наследник Российского Престола записал свои впечатления в дневнике: «Настал последний день нашей стоянки в японских водах; странно сказать, что не без грусти оставляю эту любопытную страну, в которой мне все

---

³⁵ Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 288–289.

³⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 196.

³⁷ Там же. Л. 204.

нравилось с самого начала, так что даже происшествие 29-го апр[еля] не оставило после себя и следа горечи или неприятного чувства»³⁸.

Цесаревич Николай Александрович в тот же день написал большое и обстоятельное письмо отцу. Содержание этого послания приведем полностью:

«7 мая 1891 г.

Фрегат «Память Азова».

№ 12.

Мой милый дорогой Папа,

От всего сердца благодарю тебя за твое милое интересное письмо, несказанно меня обрадовавшее: то были первые страницы, написанные твоей дорогой рукой, которые я прочел после несчастного случая со мной в городе Оцу 29-го апреля. Я не могу достаточно благодарить Бога, что милый Борович (*греческий принц Георг. – В.Х.*) был со мной тогда и только благодаря его смелости – я спасся! Он догнал бежавшего за мной полицейского и своей известной силой ударил его по голове; тот сразу повернулся и уже замахнулся на Джоржи саблей, но тотчас же смертельно бледный повалился на землю. Тогда на него набросились двое из моих молодцов дженрикшей (*так в письме. – В.Х.*) и стали держать; так как он старался вырваться, то для верности один из них хватил его по шее саблей, и затем его оттащили в ближайший дом. Прибавляю тебе эти подробности, милый Папа, оттого что в последнем письме к Мама мне, кажется, я о них не упоминал. На голове у меня оказались две раны, но до сих пор спорный вопрос о том получил ли я два удара или один, причем сабля соскользнула, не разрешен. На шляпе один разрез; но я потерял ее после первого удара и, по моему, единственного, и затем тотчас же выскочил из дженрикши, потому что увидел, что тот замахнулся во второй раз. Самое неприятное было бежать и чувствовать того подлеца за собой и вместе с тем не знать, как долго этого рода удовольствие станет продолжаться? Я боялся одного – упасть или просто ослабеть, так как в первую минуту кровь брызнула фонтаном. После обмывки и первой перевязки тут же на улице, кроме головы оказались еще порезанными правое ухо и рука, но это было просто царапины! Все ошалели, особенно японская свита; маленький принц Арисугава ничего не говорил до самого вечера, мне было просто жаль его. Вернулись к себе в Киото по железной дороге под конвоем пехотного батальона. Сейчас же Рамбах, Попов с «Азова» и Смирнов с «Мономаха» приступили к промывке и зашиванию ран. Я себя все время чувствовал великолепно и без всякой боли. Но что меня страшно мучило, это мысль о вашем беспокойстве и о том, что неверные слухи могли дойти до вас раньше моей телеграммы. Все это мне очень напоминало первые часы после нашего крушения (*имеется в виду крушение царского поезда в Борках. – В.Х.*), когда думали о том, чтобы составить, возможно, более успокоительную телеграмму. На следующий же день 30-го апреля вечером приехал император из Токио с несколькими принцами и министрами, что было крайне любезно с его стороны. Отовсюду я стал получать телеграммы, адреса и подношения – из тех японских городов, в которых мы уже были, а также которые должны были посетить; большинство получалось из самого Киото – их Москвы. Тут для нас был приготовлен отличный отель, но так как заново отделанные комнаты сильно пахли, Джоржи и я переночевали в соседний чистый японский дом – той же гостиницы; в нем мы вполне наслаждались новой оригинальной обстановкой, а главное чистотой и свежестью воздуха. Все четыре дня в Киото мы провели в этом японском жилище; для меня это было новизной, так что я совсем не скучал, сидя в халате. 1-го мая император посетил меня; он был сильно взволнован и говорил шепотом через переводчика. Тогда же получили вашу депешу о возвращении в Кобэ на фрегат и в тот же день под вечер мы вступили на родную палубу. Я никогда не забуду приема на «Азове», где собрались офицеры со всех судов и ура! дорогой команды. «Азов»

---

³⁸ Там же. Л. 205.

и «Влад[имир] Мономах» поднесли мне два образа, Шолберов с людьми также; до самого вечера я был сильно возбужден. Джоржи был подхвачен и обнесен на руках вокруг фрегата. – Поведением Шевича, нашего посланника, я не могу достаточно нахвалиться; дай Бог, чтобы между нашими дипломатами было побольше таких настоящих русских людей! – Милый Папа, пора кончать, «Джигит» с фельдъегерем должен идти в Иокогаму. Крепко обнимаю тебя, дорогой Папа, храни тебя Бог!

Твой *Ники*»³⁹.

На следующий день 8 мая 1891 года в дневнике цесаревича еще одна запись: «И грустные, и радостные мысли толпились в голове, при расставании с Японией: первые оттого, что не удалось проехать через всю эту любопытную страну, которая мне понравилась больше всех других, а также потому, что предстоявший переход во Владивосток был последним на чудном «Азове», радостные мысли оттого, что благодаря этой перемене маршрута я могу вернуться домой двумя неделями раньше; пожалуй, успею захватить конец лагеря»⁴⁰.

Цесаревич 4 августа 1891 года наконец вернулся в Санкт-Петербург после долгого путешествия по сибирским просторам, о чем его родной брат великий князь Георгий Александрович (1871–1899) записал в дневнике:

«4 августа. Воскресенье. – Красное Село.

В 7 часов перешли из Лисино в Тосно для встречи Ники. Утром было пасмурно, но скоро прояснилось. Вставши в начале восьмого, пил кофе и затем облекся в мундир, так как был дежурным. В ½ 9 [ч.] поезд с Ники подошел к станции; после целований и обнимания он сел к нам в поезд со своей свитой; все были страшно счастливы его возвращению. Он очень пополнел и поправился. В ½ 11 [ч.] прибыли в Красное [Село], где была большая встреча. По дороге к нашему дому стояли войска. В 11 часов поехали к обедне и молебну, после чего был большой завтрак. Вернувшись к себе, читал; приехали Георгий и Сергей [Михайловичи]. В 5 часов пили чай у Папа и через час отправились на скачки, которые окончились благополучно. Потом вернулись домой и закусывали. В 8 часов поехали в театр, где давали скучную комедию «Собака садовника» и балет «Праздник лодочников»»⁴¹.

Имеется и дневниковая запись великого князя Константина Константиновича за этот же день:

«Воскресенье. 4.

4 августа принесло великую радость Царской семье и всем нашим войскам, расположившимся в Красном [Селе]: мы встречали Цесаревича, возвращавшегося из десятидневного кругосветного путешествия, сопряженного с опасностью для его жизни. Он вернулся к нам возмужалый, пополневший, с большими усами и цветущим здоровьем»⁴².

Спустя три недели великий князь Константин Константинович вновь обращается в своем дневнике к подробностям событий путешествия наследника престола:

25 августа.

Ездил кататься с Мама, чтобы иметь случай поговорить с глазу на глаз. Ей хотелось отвести душу со мною наедине. Ее тревожат недоразумения, возникшие во время путешествия Цесаревича с греческим Георгием на «Памяти Азова». Георгие спас ему жизнь, ударом палки свалив с ног убийцу-японца, покусившегося на жизнь Цесаревича в Отсу. Этот подвиг не заслужил Олину (имеется в виду великая княгиня Ольга Константиновна, королева греческая. – В.Х.) сыну ничьей благодарности, об нем даже старались умалчивать, приписав спа-

³⁹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 185–188 об.

⁴⁰ Там же. Л. 208.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 8. Л. 149.

⁴² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 181.

сение одному из полицейских. Государь даже слова не написал и не телеграфировал Georgie. Ему не было позволено сопровождать Цесаревича в путешествие по Сибири. Теперь разъяснилось, что свита Цесаревича, не ужившись с кают-компанией «Памяти Азова», невзлюбила и входившего в состав ее Georgie. Его оклеветали в глазах Государя, сообщали, будто Georgie имел дурное влияние на Цесаревича, и возводили на него всякую небывальщину.

Надеюсь, что все эти недоразумения будут разъяснены и устранены теперь, при свидании в Дании»⁴³.

Через три дня, т. е. 28 августа, великий князь Константин Константинович с удовлетворением записал в дневнике: «Оля телеграфировала, что Государь пожаловал ее сыну Georgie золотую медаль за спасение погибающего. По-видимому, в Дании состоялось объяснение и недоразумения устранены»⁴⁴.

Таким образом, 30 августа 1891 года император Александр III наградил принца Георга Греческого (1869–1957) золотой медалью «За спасение погибавших» для ношения на Владимирской ленте. Тем самым он был официально признан спасителем наследника русского престола. Его трость затребовали в Санкт-Петербург, украсили драгоценными камнями и вернули назад – в Афины. Отблагодарили и двух рикш не только большими деньгами (о чем говорилось выше), но также наградили орденом Св. Анны. Впоследствии в Санкт-Петербурге на Гутуевском острове в память спасения цесаревича была воздвигнута церковь Богоявления (закладка состоялась ровно через год после покушения, а освящение – в 1899 году).

После возвращения с Дальнего Востока через необъятные просторы Российской империи в Санкт-Петербург цесаревич 21 декабря 1891 года записывает в своем дневнике:

«Рассуждали о семейной жизни. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy (*английский принц. – В.Х.*) оставил или получил отказ, единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти убежден, что наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповаю на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее»⁴⁵.

Еще через месяц, т. е. 29 января 1892 года, он напишет в дневнике: «В разговоре с Мама, утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр[афа] Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал этой! Что будет?»⁴⁶.

Однако цесаревич Николай остался верным своему сердечному выбору и продолжал с упорством ждать, когда родители согласятся на этот брак. Принцесса Алиса (Аликс) отклонила предложение стать невестой английского наследника престола принца Альберта Виктора (Эдди, 1864–1892). Вскоре, 1 марта 1891 года, скончался ее отец, и она осиротела, но интуитивно чувствовала, что в мире есть еще одно сердце, в котором она живет. Время продолжало свой неумолимый бег.

⁴³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 183.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 107–108.

⁴⁶ Там же. Л. 149.

Особые приметы венценосных братьев

Многим любопытен вопрос: были ли «особые приметы» у «венценосных братьев», т. е. у Государя Николая II и его младшего брата великого князя Михаила Александровича? Например, шрам или костная мозоль на голове императора от полученного удара саблей в Японии 29 апреля 1891 года. По этому поводу разгорелась большая дискуссия после обнаружения «царских останков» в тайном захоронении под Екатеринбургом Гелием Рябовым и Александром Авдониным. Этот вопрос был актуален для белогвардейского следствия Н.А. Соколова в годы Гражданской войны, когда предпринимались попытки найти останки императора Николая II и великого князя Михаила Александровича после их убийства летом 1918 года большевиками. Сохранились ли документальные свидетельства на этот счет? Были ли у Августейших «венценосцев» другие приметы, вроде татуировки на их телах, т. к. на многих опубликованных в печати (ретушированных) фотографиях это просто невозможно рассмотреть. Попробуем обнаружить подобные сведения среди архивных материалов, а также воспоминаний очевидцев и других исторических источников тех далеких событий.

Николай Александрович Романов был среднего роста: 5 футов и 7 дюймов (168 см). Он выделялся пропорциональностью сложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холемная борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светила очаровательная улыбка, были голубые глаза. Говорят, что глаза есть зеркало души человека. По мнению многих, у Государя были особые глаза: открытые, голубые, кроткие, полные какой-то особой доброты и простоты, неотразимой привлекательности. Своим взглядом он без слов очаровывал людей, предубежденных против него, и даже обезоруживал своих врагов.

Однако в популярных исторических работах относительно его роста фигурируют и другие данные. Так, например, исследовательница из Австрии Элизабет Хереш пишет: «Не вызывает сомнений, что Николай был не просто царевичем (*так в тексте. – В.Х.*), но и привлекательным молодым человеком. Роста он был не очень большого – 1 метр 72 сантиметра, но подтянут и хорошо сложен; особенно сильное впечатление производили его огромные голубые глаза. Многие, даже видевшие Николая всего один раз, отмечают их “мечтательный” или “нежный” блеск. Все – включая мужчин – говорят о его простом очаровательном обращении; само собой разумеется, что он хороший танцор (да и на фортепиано неплохо играет)»⁴⁷.

Татуировка даже у аристократов за границей в те времена была достаточно модной и порой являлась обычным делом. Особенно мода на тату распространилась со второй половины XIX века в Великобритании. Сын королевы Виктории I, будущий король Эдуард VII (1841–1910), посетив Святую землю в 1862 году, сделал на руке татуировку Иерусалимского Креста. В дальнейшем его тело украсили еще несколько татуировок. Когда его сыновья Альберт (1864–1892) и Георг (Георг V, 1865–1936), кузены цесаревича Николая Александровича, побывали в начале 1880-х годов в Японии, а их гувернер, по распоряжению Августейшего родителя, отвел принцев в студию знаменитого художника Хори Чио, который татуировал изображение драконов на их руках. На пути домой принцы Альберт и Георг посетили Иерусалим и сделали еще татуировки у того же художника, что и их отец 20 лет назад. Великий князь Александр Михайлович (Сандро), который дружил с детства с цесаревичем Николаем Александровичем, обзавелся подобным своеобразным украшением, как старый «морской волк» во время плавания, находясь длительный период в Японии. В российском флоте тату-

⁴⁷ Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 28.

ировка была обычным делом среди многих офицеров. Молодой Николай Александрович, видимо, подражая Сандро, тоже решил сделать что-то подобное при первой удобной возможности. Давняя мечта цесаревича сбылась, судя по его дневниковым записям, когда он только что прибыл в Японию в начале апреля 1891 года. На русский фрегат «Память Азова» доставили двух японских мастеров. Один сделал татуировку цесаревичу Николаю, а второй – его кузену Георгу Греческому. Татуировка на его руке изображала традиционного на Востоке дракона. Так у будущего русского монарха на правой руке появилось изображение дракона – с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами. Сведения о тату цесаревича, несмотря на секретность визита мастеров, все-таки просочились в японскую печать.

«В преддверии визита Николая в Киото в местной газете “Хинодэ симбун”, /.../ в номере от 5 мая, была помещена заметка следующего содержания: “(Находясь в Нагасаки, цесаревич) пригласил к себе местных мастеров, и те на протяжении нескольких вечеров делали ему татуировку. Цесаревич остался чрезвычайно доволен их работой, в результате которой на обеих руках у него появилось по изображению дракона...”»⁴⁸.

Правдиво ли было это сообщение в прессе?! В дневнике цесаревича Николая Александровича за 16 апреля 1891 года имеется запись о проведенном дне в Нагасаки и сделанной на правой руке татуировке:

«16 апреля. Вторник.

Проснулся с чудным днем, на берег так и манило. Утром получил телеграмму от Мама с известием о смерти бедного д. Низи. Это уже вторая смерть в нашей фамилии в течение одного месяца! В 10½ была преждеосвященная обедня; в 12 прибыл на фрегат принц Ари-сугава – молодой моряк; был в Гатчине весной 1889 г., симпатичный человек! В 2 ч. отправился с Джоржи и Волковым в Нагасаки. В дженриках (так в дневнике. – В.Х.) разъезжали по магазинам, где я накупил себе порядочно вещей. Начали с черепахи-человека, который мне раньше того, еще на «Азове», поднес коробку и модель минного катера из черепахи, прелестной работы. Купил у него несколько вещей, а затем у кошки-чел. и собаки-человек; вздор какой называть себя так! Замечательно приятное впечатление производят улицы и дома в Нагасаки: все отлично вычищено и выглядит опрятно, любо входит в их дома; да и сами японцы и японки такой радушный и приветливый народ – совсем противоположный китайцам! Что меня особенно поразило, это количество людей, говорящих по-русски. Вернулись на фрегат в 5 час. к чаю. В 6½ были на всенощной; Шевич с нами говееет. После обеда решил сделать себе татуировку на правой руке – дракона; это заняло ровно семь часов времени с 9 ч. веч[ера] до 4 ночи! Довольно раз пройти чрез этого рода удовольствие, чтобы отбить охоту в себе начинать снова. Дракон вышел на славу, и рука совсем не болела!»⁴⁹.

Через десять дней, т. е. 26 апреля, цесаревич в письме к своей сестре великой княжне Ксении Александровне сообщил о татуировке следующее: «Мы все татуировали себя в Нагасаки, как это всегда делается в Японии; я себе выбрал отличного дракона, который сделан действительно великолепно, но за то пришлось и повозиться долго с ним: меня кололи в продолжение 7 часов сряду с 9 ч. вечера до 4 ч. утра. Японцы и я были одного мнения, а именно что лучше сделать весь дракон сразу, а не откладывать до след[ующего] вечера, потому что во второй раз гораздо больнее, чем в первый. У меня рука только припухла, а у некоторых они не только болели, но делалась просто лихорадка. Спроси у дяди Алексея про его татуировку, и как он страдал здесь?»⁵⁰.

⁴⁸ Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 31–32.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 85–85 об.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 186. Л. 64–67 об.

Однако модные веяния часто ходят кругами, и что сегодня было популярно, через какое-то время может вызывать осуждение общества. Став императором, Николай II избегал демонстрировать эту экзотику молодости. Ни на одной официальной фотографии, подлежащей публичной демонстрации, этого изображения татуировки увидеть невозможно. Существуют многочисленные любительские фотографии императора в кругу семьи, которые они сами делали, в том числе изображения с закатанными рукавами рубашки. Но что представляет конкретный рисунок наколки, по причине не очень хорошего качества фотоснимков, давности времени и их сохранности, а также в связи с их небольшим форматом, не дает возможности толком рассмотреть. Конечно, в настоящее время существуют специальные программы реставрации документов и фотографий, в том числе с помощью компьютерных возможностей, но, похоже, этого никто до сих пор в данном случае не сделал.

Видимо, подражая своему старшему брату Николаю II, великий князь Михаил Александрович (1878–1918) в один из предпоследних дней пребывания в Англии сделал себе на руке татуировку, столь модную в те годы. В дневнике за 1899 год, когда он находился в гостях у своих зарубежных родственников, записал:

«14 октября. Четверг. – London, Marlborouge-House.

Утром приехал Macdonsld, который татуирует, он мне начал делать дракона на правой руке. В 10 ч. я имел breakfast с Mand и Charles... Зашли в магазин 20 Old Bond Street. Встретили Stevensen'a. Вернувшись, пили чай. Потом мне опять этот человек татуировал, но не закончил, не успел. В 8½ ч. я обедал с Mand (Charles где-то обедал). Потом я читал у нее "The Standard Beara". Tогia мне дала читать эту книгу. Я получил от нее сегодня 2 письма и от Беби»⁵¹.

К сожалению, не все дневники великого князя Михаила Александровича сохранились до наших дней или нам известны в России. Однако имеются свидетельства очевидцев, которые утверждают, что Михаил Романов имел и другие татуировки, в том числе на груди. В частности, об этом факте вспоминали позднее в советские времена чекисты, которые тайно похитили и расстреляли великого князя в окрестностях Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 года, а затем надежно сокрыли его останки в тайном, до сих пор не обнаруженном месте. В частности, пермский журналист и краевед В.Ф. Гладышев в статье «"Репетиция" царской драмы», описывая картину тайного захоронения останков Михаила Романова, процитировал фрагмент из воспоминаний одного из его палачей Н.В. Жужгова: «...Я поехал домой, поел, а затем с Колпасчиковым (так Жужгов пишет фамилию подельника. – В.Г.) поехали зарывать. Романова грудь была исписана, а также и руки и я ему хотел отрубить голову и руки и закопать в другое место, но Колпасчиков сказал не надо это делать и я согласился, после зарывания вернулись в Мотовилиху, где мне говорят что Михаил сбежал... (Орфография сохранена)»⁵².

Другой «особой приметой» императора Николая II стал шрам на правой стороне головы, который он получил, еще будучи цесаревичем, от удара саблей во время путешествия по Японии 29 апреля 1891 года.

В популярных исторических изданиях этот момент не обходят стороной, но часто вносят свою мифологическую интерпретацию, идя на поводу недостоверных источников. Так, например, исследовательница из Австрии Элизабет Хереш пишет: «Однако в Японии происходит инцидент, в результате которого Николай вынужден был преждевременно прервать путешествие, и возненавидел эту страну. После пребывания в старой императорской столице Киото в городе Оцу какой-то японец с возгласом "Я самурай!" внезапно набрасывается на едущего на рикше наследника российского престола, и только хладнокровное вмешатель-

---

⁵¹ ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 16. Л. 22–22 об.

⁵² Гладышев В. "Репетиция" царской драмы. // Российская газета. 2003 г. 26 июня.

ство греческого принца Георга в последний момент не дает нападающему нанести второй удар мечом, так что раненый Николай остается жив. Мотивы этого покушения так и остались невыясненными.

Николая срочно кладут в госпиталь; чтобы сгладить инцидент, император лично навещает его»⁵³.

Еще раз напомним. В дневнике цесаревича за 29 апреля 1891 г. имеются следующие строки, о которых мы уже говорили: «Выехали мы опять в джинриках (*так в дневнике. – В.Х.*) в том же порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках.

Я только крикнул: “Что тебе?” и выпрыгнул через джинрику на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны»⁵⁴.

Напомним, что цесаревич в письме от 7 мая 1891 года к императору Александру III уточнил важную подробность: «На голове у меня оказались две раны, но до сих пор спорный вопрос о том получил ли я два удара или один, причем сабля соскользнула, не разрешен. На шляпе один разрез; но я потерял ее после первого удара и, по-моему, единственного, и затем тотчас же выскочил из джинрики, потому что увидел, что тот замахнулся во второй раз. /.../ После обмывки и первой перевязки тут же на улице, кроме головы оказались еще порезанными правое ухо и рука, но это было просто царапины!»⁵⁵.

В последние годы в нашей стране было издано много книг по истории Императорского Дома Романовых, часто сомнительного по достоверности содержания, но иногда несущих интересную, но непонятно откуда взятую информацию. Так, например, в одном из подобных изданий можно прочесть общие выдержки (без точной привязки к цитированному источнику), которые мы воспроизведем здесь:

«Из книги Акиры Есимуря:

11 мая 1890 года (*правильно 1891 года. – В.Х.*) улица Симо-Кокарасаки в городе Отсу была запружена горожанами. Они встречали цесаревича поклонами, а полицейские отдавали ему честь. (...) С правой стороны улицы, у дома № 5, (...) стоял очередной полицейский. При виде приближающейся коляски он приосанился и поднял руку к козырьку.

Стоило, однако, коляске цесаревича поравняться с ним, как полицейский неожиданно выхватил саблю и бросился на Николая. Как только он оказался на расстоянии 1 сяку (чуть больше 30 см) от коляски, сверкающее на солнце лезвие опустилось на голову цесаревича.

От удара с головы Николая слетела шляпа, но поскольку ни нападающий, ни его жертва не издали ни звука, возница, рикша Тарокити Нисиока, как ни в чем не бывало продолжал путь.

Однако толкач Хирокоторо Вада не мог не видеть, что произошло. В первый момент он, конечно, растерялся, но быстро совладал с собой и, подскочив к нападавшему, правой рукой изо всех сил толкнул его в бок.

Полицейский пошатнулся, однако устоял на ногах и с поднятой саблей вновь бросился на цесаревича. Только теперь Николай повернулся в его сторону. Тот занес над ним саблю и еще раз ударил его цесаревича по обнаженной голове. (...) Цесаревич спрыгнул на дорогу с противоположной от нападающего стороны и, обхватив голову руками, с криком побежал прочь. (...) Спасаясь от преследователя, цесаревич добежал до дома № 15... Оглянувшись, Николай увидел, что полицейский лежит на земле, а рикша Китатаити заносит над ним

---

⁵³ Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 33.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 95–95 об.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 185–188 об.

саблю. Теперь уже цесаревичу нечего было опасаться. Вскоре его окружили приближенные. (...) Кровь из раны цесаревича, стекая по лбу и правой щеке, капала на пиджак. Принц Ари-сугава молча протянул ему носовой платок...

“Это ничего, – сказал ему цесаревич, – только бы японцы не подумали, что это происшествие может поколебать мои добрые чувства к ним и признательность за проявленное радушие”»⁵⁶.

Весьма интересны и малоизвестные детали покушения, о которых в Японии, очевидно, имеются многие неизвестные еще в России источники. Однако вызывает удивление, насколько приведенные сведения в некоторых деталях разнятся от содержания писем и дневников самого цесаревича Николая Александровича. В итоге выясняется, что московское издательство «Муравей» в 2002 году опубликовало произведение: Акира Есимура «Покушение. Цесаревич Николай в Японии». (Роман. Перевод с японского языка Т.И. Редько-Добровольской). Вряд ли за достоверность изложенных всех исторических сведений в данном романе кто-то поручится на 100 %, так как сама форма повествования в таком произведении может предполагать свободное творчество автора во благо создания художественного образа тех или иных персонажей. Все-таки данное издание заслуживает пристального внимания, хотя бы в том плане, что можно выяснить, где описания и очередность событий совпадают, а где противоречат другим источникам.

Однако вернемся к архивным документам. Судя по переписке цесаревича с родственниками, его Августейшие родители имели более обстоятельные сведения о ране Николая Александровича. В ответном письме от 14 июня 1891 года к сыну император Александр III, в частности, отмечал: «Благодарю тебя, милый Ники, от души за твое длинное и очень интересное письмо о Китае и начале пребывания в Японии. – Одновременно получил письмо Барятинского, которое ожидал с большим нетерпением, о жутком покушении в Оцу и тоже донесение докторов»⁵⁷.

Попытаемся обнаружить и заглянуть в упомянутые документальные свидетельства. В частности, в архивном фонде императора Александра III сохранился до наших дней медицинский протокол, составленный врачебной комиссией после осмотра раны цесаревича Николая Александровича. Документ (рукописный) имеет дату от 29 апреля 1891 года, т. е. он был составлен в день совершенного покушения на цесаревича. В нем среди прочего значатся такие строки: «29 апреля 1891 года около 2 ³/₄ часа пополудни при возвращении Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича после посещения города Карасаки и поездки на озеро Биви, чрез город Отцу, по одной из его улиц полицейский японской службы, находившийся на посту в числе других полицейских, расставленных по улице, бросился на ехавшего во джинришке Его Императорское Высочество и обнаженною саблею нанес две раны на волосистой части головы, с правой стороны.

Удар сделан через фетровую шляпу, находившуюся на Наследнике Цесаревиче.

Поранение представляется следующим:

1) Первая, или затылочная-теменная, рана – линейной формы, длиною 9-ть сантиметров, с разошедшимися краями, проникает чрез всю толщу кожи до кости и находится в области правой теменной кости на 6-ть сантиметров от верхнего края ушной раковины, имея направление несколько сверху вниз, причем пересечены ветви как затылочной, так и височной артерий. У заднего угла раны теменная кость, на протяжении около сантиметра, обнажена от надкостницы, по месту соответствующему удару острия сабли.

2) Вторая, или лобно-теменная, рана – находится выше первой на 6 сантиметров и идет почти параллельно ей, имеет 10-ть сантиметров длины, проникает чрез всю кожу до

⁵⁶ Николай II, без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб, 2009. С. 33–34.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 62.

кости; находится в области теменной и частью лобной кости, начинаясь приблизительно над последней третью длины, или протяжение, первой раны и оканчиваясь на границе волосистой части головы, на 6-ть сантиметров выше середины правой бровной дуги.

Направление ее, как и первой, несколько сверху – вниз, но немного дугообразно, выгнутою вниз – хотя выгнутость эта едва заметна.

На один сантиметр от заднего угла раны замечается небольшой в $\frac{1}{2}$ сантиметра длиною языкообразный лоскут кожи, во всю ее толщу. В переднем же углу пересечены ветви височной артерии.

3) На границе верхней трети со среднюю наружного края ушной раковины (правой) усматривается поверхностная поперечная рана, длиною около 4-х миллиметров, почти совершенно не кровоточившая.

4) Подобная же поверхностная, поперечная ранка (около 1-го сантиметра длиною) замечается на тыле кисти правой руки, между указательным и большим пальцами.

Тотчас же на месте этого события мною была наложена соответственная временная повязка на раны для остановки обильного артериального кровотечения /.../.

По прибытии августейшего пациента в Киото я, совместно с находившимся тут старшим врачом фрегата «Владимир Мономах» коллежским советником Смирновым и старшим врачом фрегата «Память Азова» старшим советником Поповым, приступил к окончательному туалету и перевязке раны.

По тщательной очистке первой раны, с соблюдением правил антисептики, наложены шелковые лигатуры на две кровоточившие артерии и края ее соединены пятью швами.

Во второй ране также перевязаны две артерии и наложено пять швов. Затем на раны положены градусные компрессы из сулемованной марли и соответственная повязка, а поверх ее – лед.

Во время отчистки второй (лобно-теменной) раны извлечен мною, свободно лежавший между сгустками крови, осколок кости – клиновидной формы, около $2\frac{1}{2}$ сантиметров длиною, два миллиметра шириной в одном его конце и 1 миллиметра в другом. Толщина осколка в лист обыкновенной писчей бумаги.

Самочувствие Его Императорского Высочества все время остается прекрасным, силы вполне хороши, состояние духа бодрое – хотя замечается некоторая степень возбуждения. /.../

Киото. Апреля 29 дня 1891 года.

Статский советник *Рембах*.

Статский советник *Вл. Попов*.

Коллежский советник *М.Смирнов*⁵⁸.

Рана на голове по истечении некоторого времени особенно не выделялась, тем более что позднее Государь Николай II ее пытался всячески маскировать. Травмированное место, очевидно, имело некоторое утолщение при ощупывании, т. е. представлялась в виде так называемой костной мозоли. В семейных письмах супруги, двух сестер и матери императора к Николаю II можно часто встретить специфическое выражение: «целую тебя в Оцу». Разумеется, под этим подразумевалось место ранения Государя на голове. Именно по этой особой примете пытались найти и освидетельствовать останки последнего российского самодержца как белогвардейское следствие, при обнаружении похожих трупов после отступления красных на Урале, так и в наши дни криминалисты-следователи при вскрытии «тайного захоронения» узников Ипатьевского дома в окрестностях Екатеринбургa.

---

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 701. Л. 12–12 об., 13.

Правда, на обнаруженном предполагаемом «черепе императора» подобной костной мозоли выявить не удалось, что вызвало большие дебаты среди ученых на различных научных конференциях, а в СМИ породило множество различных, часто противоречащих друг другу версий. В частности, слепок с черепа императора Николая II впервые на экранах телевидения широко продемонстрировал Гелий Рябов, чем привлек к «тайному захоронению» царской семьи всеобщее внимание общественности. На слепке не было видно следов от травмы, полученной Государем во время путешествия по Японии.

Вскоре выяснилось, что слепок черепа не принадлежал императору, а был снят по ошибке с головы прислуги царской семьи, горничной Анны Степановны Демидовой (1878–1918). Она была убита вместе с Романовыми в полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. и оказалась в одном захоронении вместе с ними. Досадная ошибка самодеятельных поисковиков произошла потому, что череп этой женщины оказался достаточно крупным, а на челюсти просматривался вставной мост из золотых зубов. Вероятно, предположили, что золотые зубы могут быть у императора. Позднее, благодаря экспертам-криминалистам, удалось разобраться, кто есть кто. Однако на черепе, определенном, что он принадлежит императору Николаю II, вроде бы опять не нашлось следов указанной выше травмы. Со стороны следствия прозвучали такие аргументы, что череп имеет большие разрушения, долгое время находился в болотистой почве, возможно, был подвержен действию серной кислоты, которой пытались уничтожить «царские останки» чекисты.

На этом деле необходимо более подробно остановиться, но это предмет специального изучения и обсуждения для международной представительной научной конференции (с официальным участием РПЦ и РПЦЗ, в т. ч. всех ученых оппонентов) по окончательному выводу: являются ли обнаруженные останки царскими, и, наконец, по объявлении их официального статуса.

Неожиданная смерть императора Александра III

Существуют также версии, что скоротечная болезнь и неожиданная смерть императора Александра III связана якобы с его отравлением, хотя имеется множество документальных свидетельств о реальной причине кончины Царя-Миротворца. Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) оставил воспоминания о последних днях Александра III, которые мало кому в настоящее время знакомы⁵⁹. Удивляться этому не приходится, так как подобного рода свидетельства, даже в царские времена были ограниченного доступа и то только для избранных, а в советский период надежно были спрятаны в спецхранах. Возможно, благодаря строгому хранению эти архивные документы и печатные материалы дошли до наших времен, когда вновь появился интерес к выяснению истинных исторических событий, которые часто замалчивались или безбожно искажались «временщиками» в угоду политики. Попробуем заглянуть хотя бы в некоторые из них.

Весною 1894 года Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала Брайтову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Император получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в правом кармане серебряный портсигар оказался совсем сплюснутым. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Кризис болезни произошел в начале августа 1894 года. Императору Александру III стало очень плохо от резкой опоясывающей боли в пояснице. Пришлось снова вызывать Г.А. Захарьина, который прибыл 9 августа в сопровождении профессора Н.Ф. Голубова. В результате проведенного исследования выяснились «постоянное присутствие белка и цилиндров, то есть признаков нефрита, некоторое увеличение левого желудочка сердца при слабаватом и частом пульсе, то есть признаки последовательного поражения сердца, и явления уремии (зависящие от недостаточного очищения почками крови), бессонница, постоянно дурной вкус, нередко тошнота»⁶⁰.

Врачи настаивали на немедленной перемене климата и советовали царю переехать на остров Корфу в Ионическом море или другое курортное место, например, в Италию. Государь предпочел отправиться в Крым, заметив, по утверждению приближенных: «Если мне суждено помирать, так уж лучше дома». Была надежда, что сухой южный климат может способствовать улучшению здоровья венценосца. 17 сентября Александр III вместе с семьей выехал в Ливадию. В эти дни великий князь Константин Константинович, находясь в Европе, сделал запись в дневнике:

«Суббота. 17 [сентября].

В «Правит[ельственном] Вестнике» было напечатано, что здоровье Государя, не успешнее поправиться после зимней болезни, требует оставаться в более теплом климате; объявлено, что Двор едет в Ливадию. – Слышно, что императорскую яхту «Полярная Звезда» посылают в Пирей. – Все это очень тревожно»⁶¹.

Двор вместе с императором перебрался 21 сентября в Ливадию. Государь поселился не в Большом дворце, а в той сравнительно небольшой вилле, где он жил, еще будучи цесаревичем, но болезнь продолжала прогрессировать.

⁵⁹ Великий князь Николай Михайлович. Последние дни жизни возлюбленного Государя Императора Александра III. Тифлис, 1894.

⁶⁰ Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 130.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 122.

В Ливадии императрица Мария Федоровна почти полностью изолировала своего больного супруга от всех визитеров (кроме врачей и членов семьи, к нему никто не допускался). Ее мольбы перед супругом поберечь себя возымели действие: последние недели своей жизни Государь передал большинство поступающих бумаг на рассмотрение цесаревича, оставив за собой лишь дела по дипломатическому и военному ведомствам (последний приказ он подписал за день до кончины).

Император Александр III был в расцвете лет, и никто не мог предполагать, что царствование его будет столь скоротечным. Он постепенно и загодя начал подготавливать наследника к Государевой службе. С 1889 года для ознакомления с управлением государства Николай стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же целях он часто сопровождал отца в официальных поездках по стране. В конце 1891 года на цесаревича были возложены обязанности председателя Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 году он возглавил Комитет по сооружению Транссибирской железной дороги. На этом новом поприще наследник добился определенных успехов. Позднее на склоне лет граф С.Ю. Витте отмечал в своих воспоминаниях: «Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца»⁶².

К 1894 г. всем уже стало ясно, что главными победами эпохи царствования Александра III стало разгром революционеров и сохранение внешнего мира с другими государствами. Император утратил былой порыв к преобразованиям Российской империи и, по воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, потерял веру в то, что министры способны исполнять точно его волю. Он уже физически не мог, как раньше, принимать самостоятельных решений и впал во все большую зависимость от своих министров и приближенных: графа И.И. Воронцова-Дашкова, П.А. Черевина и О.Б. Рихтера. Он все чаще просил их просматривать деловые бумаги, поступающие к нему и требующие срочного решения.

Еще до переезда в Крым Государь Александр III выразил желание женить или по крайней мере помолвить наследника престола. Цесаревич Николай был счастлив, что наконец смог получить разрешение своего державного отца на помолвку с его ненаглядной принцессой Алисой, которую ласково называл Аликс. Вечером 2 (14) апреля 1894 года он в обществе трех августейших дядей, их жен и свиты выехал в Кобург, официально – на свадьбу брата принцессы Алисы (герцога Эрнеста-Людвига Гессенского с принцессой Викторией-Мелитой Саксен-Кобург-Готской), а фактически – сделать ей предложение. Туда же поспешил и император Вильгельм II (1859–1941), озабоченный устроить брак наследника Российского престола с немецкой принцессой и боявшийся, как бы цесаревич не попал в английские сети ее бабушки королевы Виктории. 4 апреля великие князья Романовы прибыли в Кобург, торжественно встреченные родственниками, парадом войск и восторженным населением.

Однако надежды на успех были минимальные. Об этом можно судить по дневниковой записи великого князя Константина Константиновича (известного поэта «К.Р.») от 9 апреля 1894 года:

«Я узнал от императрицы (*имеется в виду Мария Федоровна. – В.Х.*), что в день отъезда Ники из Гатчины, т. е. в субботу 2 апреля, Ксения (*великая княгиня Ксения Александровна. – В.Х.*) получила телеграмму от Алисы, теперешней невесты, которая предупреждала, что останется непреклонной, т. е. не согласится присоединиться к православию. Ники был очень

---

⁶² Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 286.

огорчен и хотел остаться, но императрица настояла, чтобы он уехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имеет большое влияние на свою внучку. И так, не было никакой надежды, что помолвка состоится...»⁶³.

Тем временем «светское общество» обеих столиц Российской империи нетерпеливо ожидало дальнейших событий, и недостаток информации усиленно компенсировало различными слухами и сплетнями. Особого внимания был удостоен наследник престола. Своеобразным барометром атмосферы аристократических кругов можно считать дневник хозяйки влиятельного петербургского салона, убежденной монархистки генеральши А.В. Богданович, фиксировавшей в нем на протяжении многих лет факты и всякую услышанную, мягко сказать, всячину, а вернее – сплетни. Так, в 1889 году она зафиксировала не очень лестный отзыв о цесаревиче Николае: «Цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет вставать, говорит не очень приветливо и развивается физически, но не умственно»⁶⁴. Последующие записи, относящиеся к началу 1894 года, также полны скептицизма: «Он очень упрям и советов не терпит»⁶⁵. И далее еще, скорее всего из области слухов, но воспринятых влиятельной генеральшей как достоверные факты: «Цесаревич ведет очень несерьезную жизнь... не желает царствовать, не желает жениться»; «Датская королева (*т. е. бабушка цесаревича Николая. – В.Х.*) хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника» и т. п. Как говорят в таких случаях: комментарии излишни.

Возможно, на это не стоило отвлекать внимание наших читателей, если бы не следующие обстоятельства: широкая циркуляция подобных извращенных слухов в обществе и явное желание многих покопаться в чужом белье. Это порочное явление захватило многих высокопоставленных чиновников, в том числе и дипломатов, профессионально «чутких на ухо» до всякого рода сплетен. Так, в дневнике графа В.Н. Ламздорфа (советника русского министра иностранных дел) имеется запись от 4 апреля 1894 года: «После завтрака ко мне заходил Деревницкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей “подлой Алиске”, и что будто бы Его Императорское Высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г[осподи]н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валу; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: “Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, то я ему морду разобью – знайте это”. Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он представляет собой подрастающего Павла I...»⁶⁶

Как мы видим, крупницы подлинного утонули в море вымысла и лжи, что создавало негативную атмосферу в определенных кругах общественного мнения против наследника престола.

⁶³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 52 об.

⁶⁴ Богданович А.А. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 120.

⁶⁵ Там же. С. 191.

⁶⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 53–54.

Через неделю граф В.Н. Ламздорф (1844–1907) делает новую запись: «В 11 часов виделся с министром. Несколько дней тому назад разрешили продажу фотографий принцессы Алисы, теперь их можно найти в витрине любого магазина, где продают открытки и гравюры. Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую цесаревну красивой. Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе, в 1889 г., она даже показалась ему уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, Государыне она тоже не нравилась... Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности, а вот радость Их Величеств действительно искренна. Государь и Государыня, видимо, раскрыли лишь совсем недавно связь их августейшего сына с балериной Кшесинской, а его затянувшееся холостячество уже начинало их беспокоить»⁶⁷.

Забегая вперед, отметим, что многие представления автора дневника и близких к нему персон вскоре кардинально изменятся.

Стоит также процитировать воспоминания самой балерины М.Ф. Кшесинской (1872–1931), написанные ею на склоне лет. Правда, они далеко не всегда соответствуют действительности событий. Читая их, создается порой впечатление, что знаменитая прима-балерина часто желаемое выдавала за действительное. Она немного не дожила почти до 100-летнего своего юбилея. Злые языки утверждали абсурдные вещи в ее биографии, которые перекошевывают до сих пор на страницы авантюрных политических и любовных романов. Одной из таких распространенных небылиц являлось утверждение, что в 1894 году наследник престола Николай Александрович уже имел от нее ребенка! Но вернемся к событиям помолвки цесаревича и предоставим слово самой М.Ф. Кшесинской: «Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе»⁶⁸.

И далее:

«Мнения могут расходиться насчет роли, сыгранной императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней наследник нашел себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие об его сватовстве было для меня первым настоящим горем... Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке наследника с принцессой Алисой, хотя Государь и императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными... После своего возвращения из Кобурга наследник больше ко мне не ездил...»⁶⁹.

Однако оставим М.Ф. Кшесинскую, обывательские слухи столичной публики и вернемся к заграничной поездке наследника престола.

Первый серьезный разговор цесаревича Николая с принцессой Аликс произошел на следующее утро после прибытия в Кобург, о чем он записал в своем дневнике:

«5 апреля. Вторник.

Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к т[ете]Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и

---

⁶⁷ Там же. С. 59.

⁶⁸ Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 25.

⁶⁹ Там же. С. 25–26, 31–32.

все же очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала...»⁷⁰.

На следующий день новая запись: «...Аликс потом пришла, и мы говорили с ней снова; я поменьше касался вчерашнего вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видаться и разговаривать...»⁷¹.

Наследник Николай все медлил с решительным предложением, опасаясь, вероятно, получить отказ. Наконец колебания и томительные ожидания были преодолены. 8 апреля 1894 года в дневнике появилась запись: «Чудный, незабвенный день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т[ете] Михен (*великая княгиня Мария Павловна, супруга великого князя Владимира Александровича. – В.Х.*) и, после разговора с ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил, как в дурмане... Даже не верится, что у меня невеста»⁷².

Через день, 10 апреля 1894 года, в письме к матери Николай описал пережитое: «Моя милая дорогая Мама, я не знаю, как начать это письмо, потому что столько хочется сказать, что мысли путаются в голове... На другой день нашего приезда сюда я имел с Алих длинный и весьма нелегкий разговор, в котором я постарался объяснить ей, что иначе как дать свое согласие она не может сделать другого! Она все время плакала и только шепотом отвечала время от времени: “Нет, я не могу”. Я все продолжал, повторяя и настаивая на том, что уже раньше говорил. Хотя разговор этот длился больше двух часов, но он окончился ничем, потому что ни она, ни я друг другу не уступали. На следующее утро мы поговорили гораздо более спокойно; я ей дал твое письмо, после чего она ничего не могла возразить... Она захотела поговорить с т. Михен; это ей тоже посоветовал и Эрни. Уезжая, он мне шепнул, что надежда на добрый исход есть. Я должен при этом сказать, что все эти три дня чувствовалось страшное томление; все родственники поодиночке спрашивали меня насчет ее, желали всего лучшего, одним словом, каждый выражал свое сочувствие весьма трогательно. Но все это возбуждало во мне еще больший страх и сомнение, чтобы как-нибудь не сглазили. Император (*Вильгельм II. – В.Х.*) тоже старался, он даже имел с Алих разговор и привел ее в то утро 8-го апреля к нам в дом. Тогда она пошла к т. Михен и скоро после вышла в комнату, где я сидел с дядями, т. Элла и Wilhelm. Нас оставили одних, и... с первых же слов... согласилась! О Боже, что со мной сделалось тогда! Я заплакал, как ребенок, она тоже... Нет! Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и также, как я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места все кажется милым, добрым, отрадным.

Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом, в самом деле, у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другая: веселой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние...»⁷³.

В ответ на это взволнованное послание старшего сына императрица Мария Федоровна направила ему нежное письмо, а принцессе Алисе дорогой подарок, прося ее не называть больше тетей, а мамой.

Волей случая рядом со счастливой молодой парой оказался их будущий слуга камердинер А.А. Волков (1859–1929), который разделил их скорбный путь в Сибирской ссылке и

---

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 96–97.

⁷¹ Там же. Л. 98–99; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 46.

⁷² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 101–103; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 47–48.

⁷³ ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 2–5 об.

только чудом избежал расстрела в Екатеринбурге и Перми в 1918 году. На свадьбе в Кобурге он находился вместе с великим князем Павлом Александровичем, о чем позднее вспоминал: «Особенно памятна мне первая моя встреча здесь с будущей императрицей. Великий князь Павел Александрович поручил мне доставить ей ценный от него подарок. Я отправился в занимаемое ею помещение Кобургского дворца и застал ее в одной из тесных дворцовых гостиных. Сидела она на диване вместе со своим женихом и при виде меня как-то сконфузилась и отошла к окну, ничего мне не сказав. Наоборот, будущий император приветствовал меня очень ласково:

– А, милый Волков, что скажешь хорошего?

Я доложил о цели моего прихода, и тогда Цесаревич пригласил подойти свою невесту, объяснил ей, кто я таков и зачем явился. Она, по-видимому, была рада подарку и милостиво отпустила меня, дав на прощание поцеловать руку. В Кобурге мы пробыли около трех недель, весело и разнообразно. Особенно оживлял собравшееся там общество своею веселостью и подвижностью великий князь Владимир Александрович. Там же видел я впервые императора германского Вильгельма II. Он держал себя не только скромно, но, по временам, прямо заискивающе. Дело доходило до того, что он самолично помогал надевать пальто великим князьям. Вообще чувствовалось, что он выбивается из сил, чтобы понравиться русской царской семье. Но особенных симпатий у нее он, кажется, не завоевал»⁷⁴.

Позднее императрица Александра Федоровна часто вспоминала счастливый день их обручения. Даже в ее письме к супругу Николаю II от 8 апреля 1915 года мы читаем: «Мои горячие молитвы и благородные мысли, полные глубочайшей любви, витают над тобой сегодня в эту дорогую годовщину. Как время летит – уже 21 год! Знаешь, я сохранила это серое платье принцессы, в котором я была в то утро. Сегодня надену твою любимую брошку»⁷⁵.

И год спустя в другом письме к супругу на фронт: «Дорогой мой, более чем когда-либо я буду думать о тебе в 22-ю годовщину нашего обручения. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства... Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой серый костюм, запах его, у окна в Кобургском дворце...»⁷⁶.

И даже в письмах царской семьи из Тобольской ссылки можно найти строки:

«Сегодня 24-я годовщина нашей помолвки...»⁷⁷.

Не правда ли, такие браки совершаются разве что только на небесах!

Перед отъездом в Россию Николай открылся перед невестой, рассказав о своем мимолетном романе с Кшесинской, на что Аликс великодушно и мудро заметила, сделав запись 17 июля 1894 г. в его дневнике: «Я твоя, ты мой – будь в этом уверен! Ты пленен в моем сердце, и ключик потерял, и ты навсегда останешься там. Дорогой Ники!»⁷⁸.

По настоянию императрицы Марии Федоровны в Ливадию приглашались не только самые лучшие врачи из России. Сюда прибыла и европейская знаменитость, профессор нескольких германских университетов доктор Эрнст Лейден (1832–1910). Как отмечал историк А.Н. Боханов: «Уже потом выяснилось, что этот врач имел конфиденциальное поручение кайзера Вильгельма II каждый день сообщать о положении дел в Ливадии. Через потайную систему профессор регулярно отправлял агентурные данные в Берлин»⁷⁹.

⁷⁴ Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 34.

⁷⁵ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 129.

⁷⁶ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922; Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 461–462.

⁷⁷ Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 295.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 74, 287.

⁷⁹ Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998. С. 457.

Великий князь Константин Константинович в это время находился на лечении в Западной Европе и весьма беспокоился, что происходит в России. Все чаще в его дневниковых записях звучат тревожные нотки: «*«Гмунден. 2 октября. 1 ч. дня. Здешние газеты полны дурных известий о здоровье Государя; конечно, многое преувеличено. Но Мама телеграфирует, что она с Олей приглашены в Крым и что Государь очень болен, страдает постоянной тошнотой, и у него пухнут ноги. Императрица телеграфировала Тюре, что, несмотря на отличную погоду, царю нисколько не лучше и что он все так же слаб и удручен»*⁸⁰.

Через два дня (4 октября) К.Р. вновь с тревогой записывает в дневнике: «К нам приходил Вилли. От него мы узнали, что Государь, вероятно, не ранее половины ноября прибудет в Корфу и отправится туда из Крыма на пароходе добровольного флота «Орел» через Босфор. Он очень слаб и плохо слушается докторов. По совету Захарьина приглашен из Берлина профессор Лейден; он нашел, что нервы Государя еще более, чем почки, требуют лечения, и предписал молоко, которое царю... *(фраза в дневнике не закончена. – В.Х.)*»⁸¹.

Тем временем состояние здоровья императора Александра III катастрофически ухудшалось. Последний раз его вывели на улицу 4 октября, когда он со своей супругой совершил небольшую прогулочную поездку в экипаже и ему сделалось дурно. Со следующего дня он больше не покидал комнат на втором этаже. На консилиуме 4 октября 1894 г. врачи без колебаний между собой решили, что больному осталось жить недолго. Пульс не падал ниже 100 ударов в минуту, отеки уменьшить не удавалось, положение осложнялось болезнью сердца, которую раньше вообще не замечали. Цесаревич, все время находившийся рядом с отцом, полагался на милость Божью. Государыня Мария Федоровна тоже не теряла надежды и верила, что Господь не допустит такой несправедливости и не заберет ее дорогого Сашу.

Начиная с 5 октября стали регулярно, иногда по два раза в день, появляться бюллетени о состоянии здоровья Александра III за подписями профессоров Э. Лейдена и Г.А. Захарьина, лейб-хирурга Г.И. Гирша, доктора Л.В. Попова и почетного лейб-хирурга Н.А. Вельяминова. Всего с 5 по 20 октября было опубликовано 26 бюллетеней.

5 октября 1894 года столичный «Правительственный вестник» опубликовал заключение врачей профессоров Г.А. Захарьина, Эрнста Лейдена, доктора Л.В. Попова и почетного лейб-хирурга Н.А. Вельяминова о состоянии здоровья императора, из которого следовало, что болезнь почек не отступила, а силы Государя уменьшились. Оставалась лишь надежда на то, что «климат южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья Августейшего больного»⁸². С того дня, уже ежедневно, в правительственной прессе печатались официальные бюллетени о здоровье императора Александра III. Так, например, 9 октября «Правительственный вестник», помещая очередную информацию о состоянии здоровья Государя, сообщил о том, что он «приобщился Св. Таин» (т. е. причастился). Можно было уже по этой вести каждому читающему понять, что русскому Царю-Миротворцу совсем нездоровилось.

Великий князь Константин Константинович, находясь за границей, записывает очередную весть из России в дневнике: «Потом стал просматривать здешние газеты, полные тревожных известий об ухудшении здоровья Государя. Печатают, будто бы невеста Ники едет в Крым, и что туда же поехали из Парижа Владимир [Александрович] с женой и Алексей [Александрович]. Мама и Оля прибудут в Ливадию сегодня или завтра»⁸³.

Принцесса Аликс по экстренному вызову срочно выезжает в Россию. В Берлине ее провожал император Вильгельм II. В октябре 1894 года немецкие газеты писали о ней сле-

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 127.

⁸¹ Там же. Л. 128.

⁸² Правительственный Вестник. 1894. 5 октября.

⁸³ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 129.

дующее: «Она изволила получить всестороннее и прекрасное образование. Отличительной чертой ее характера является милосердие к страждущим и благотворение. Она очень любит читать, преимущественно путешествия и исторические сочинения. С русским языком она успела познакомиться настолько, что перед отъездом из Дармштадта довольно хорошо владела им».

Принцесса Аликс ехала из Дармштадта в Крым как частное лицо, в сопровождении своей фрейлины Гранси и госпожи Е.А. Шнейдер, которая обучала ее русскому языку. В Варшаве встречала ее родная сестра великая княгиня Елизавета Федоровна.

В исторических популярных книгах до сих пор встречаются романтические, но, увы, все из тех же героико-патриотических мифов картинки. Вот одна из них звучит так:

Незадолго до смерти, когда император Александр III уже передвигался с большим трудом, узнав о приезде в Ливадию жениха и невесты, он надел мундир и поднялся навстречу. «Что вы делаете, Ваше Величество?», – с ужасом воскликнул, увидев это, лейб-медик императора Гирш. «Не ваше дело, – возразил Александр III, – я так поступаю по Высочайшему повелению».

В книге Л.П. Миллер эта сцена передана в несколько ином изложении: «Но, несмотря на свою болезнь, Император поднялся с постели и заставил одеть себя в военный мундир, чтобы встретить невесту сына. Он с супругой приветствовали принцессу Алису с большой теплотой»⁸⁴.

В действительности было все более прозаично, но умирающий Государь оказал большое уважение принцессе Аликс и проявил к ней нежную ласку, о чем она вспоминала всю свою жизнь.

Приведем некоторые свидетельства очевидцев.

Цесаревич Николай Александрович в этот день записал в дневнике:

«10-го октября. Понедельник.

Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и т. Михень прибыли рано утром на “Саратове” из Одессы. В 9½ отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой. Сели завтракать в доме отставного генерала Голубова. После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя – половина забот и скорби как будто спала с плеч. На каждой станции татары встречали с хлебом-солью; на границе Массандры ждали: Лазарев, Олив и Вяземский. Вся коляска была запружена цветами и виноградом. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим Родителям. Папа был слабее сегодня и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его! У дворца стояли стрелки Его Вел[ичества] в почетном карауле. Вошли в церковь, где был отслужен краткий благодарственный молебен. Сидел с моей Аликс до обеда. Вечер провели как всегда. Отвел ее до ее комнат!»⁸⁵.

Брат царя великий князь Сергей Александрович (1857–1905) о приезде принцессы Аликс также засвидетельствовал в дневнике:

«10/22 октября. Понедельник. – Ливадия.

Саша спал хорошо – идеальное утро. Ходил.

Влад[имир] и Михен ночью пришли – с Влад[имиром] гулял, пили кофе вместе. В ½ 10 ч. с Ники [поехали] в Алушту – дорогой о многом переговорили. Прибыли за 10 м. до жены и Алих – радость – завтракали и поехали: Ники с невестой – я с женой сзади. Пекло сильно.

Здесь в ½ 6 ч. – Алих прямо к Саше – плакал – парадная встреча и молебен в церкви.

⁸⁴ Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 56.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 40–41.

Аlix помещена в фрейлин[ский] дом. Саша днем видел только Влад[имира] и о. Иоанна – *la jonrue u'est par famense!* Николаша и Ник. Мих. приехали. Обедали мы, Пиц (*великий князь Павел Александрович. – В.Х.*), д. Wladimir, Оля, т. Сани. В 9 ч. 17' тепла»⁸⁶.

Средний сын царя, великий князь Георгий Александрович (1871–1899) тоже зафиксировал в дневнике знаменательное событие:

«10 октября. Понедельник. – Ливадия.

В тени было 17'. Вставши, пошли к Папа и Мама. Папа чувствовал себя лучше и спал больше. В ½ 10 [ч.] Ники и дядя Сергей [Александрович] поехали в Алушту встречать Аликс и тетю Эллу. Дядя Владимир [Александрович] и тетя Михен пришли в 4 часа утра на «Саратове». До завтрака ко мне зашел Клеоникий, окончивший, наконец, академию. После завтрака пошли к морю, где наслаждались чудной погодой. Вернувшись, застал у себя Николая [Михайловича], приехавшего вчера. В 4 [ч.] пили чай у Мама, и затем облеклись в мундиры и ждали приезда Ники с невестой, которые прибыли в ½ 6 [ч.]. Сейчас же отправились в церковь, где был отслужен молебен. Потом пошел к себе и разбирал прошения. К нашей маленькой обеденной компании прибавилась Аликс. После обеда играли в карты, затем пили чай, а в 11 [ч.] пошли спать»⁸⁷.

Старшая дочь царя, великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) записала в дневнике о встрече немецкой принцессы в Крыму: «День эмоций! Утром у нас сидел Николай [Михайлович]! В 11 ¼ ч. поехали в Ливадию. Ники отправился в 10 ч. в Алушту встретить невесту.

У Папа был отец Иоанн. Огромная эмоция, Папа был утомлен. Спал он не дурно. В 12 ч. завтрак. Папа с Мама отдельно.

Д. Владимир и т. Михень пришли сегодня ночью на «Саратове» из Одессы.

Потом Папа лег в постель. Днем ходили с Ники гр[еческим], Минни и Джорженькой (*великий князь Георгий Александрович. – В.Х.*) к морю. Миша и Беби верхом, чудили. Погода парадидьяк (*Возможно иное прочтение этого слова. – В.Х.*), 19° в т[ени] и тихо. – У моря очень хорошо. Вернулись в экипаже. Зашли к т. Михень. Был чай у Мама. У Папа вид был лучше опять. В 5¼ ч. приехали Alix с Ники. Очень красивая, приветливая, ужасно взволнована. Так хорошо, что приехала. Ее сейчас же повели к Папа. Папа также очень взволнован. Потом краткое молебенствие в маленькой церкви. Было довольно много народу. Ужасно трогательно, но так грустно! Вернувшись, читала у себя. Обедали как всегда наверху с Alix, а потом играли в карты. Папа очень устал, хотел спать. 19° тепла всю ночь»⁸⁸.

Однако не все члены Императорского Дома поспешили в Крым, надеясь, что все со здоровьем императора Александра III, возможно, уладится. Великий князь Константин Константинович очередной раз записал в дневнике:

«Альтенбург. 10/22 октября.

В здесь полученных телеграммах говорилось о некотором улучшении в положении Государя: он спал несколько, явился аппетит. Сегодня ожидается туда прибытие невесты Ники. Он мне телеграфировал, что так рад видеть там о. Иоанна, который приехал 8-го с Мама и Олей. Мама сообщила, что о. Янышев причастил Государя. – Я бы с удовольствием вернулся домой, но ради жены, если известия не будут хуже, мы 13-го поедem к ее сестре в Гюкебург на неделю, а дальше я не загадываю. Возвращаться в Италию не стоит, да и неохота. Положение Государя так серьезно, что тут не до путешествий. Что-то будет? Еще в августе, когда не было осложнений, Захарьин, называя болезнь царя нефритом, говорил что с ней

---

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 287.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 283.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–125 об.

можно прожить 15 и 20 лет, но что она неизлечима. Теперь осложнения, по-видимому, есть. Можно ли ждать хорошего?»⁸⁹.

Лейб-медик Н.А. Вельяминов (1855–1920), который лечил Государя, позднее пересказывал события этого дня в своих воспоминаниях: «10/X часов около 5–6 вечера прибыла невеста цесаревича принцесса Алиса Гессенская. К этому времени во всем дворце, кроме Государя и императрицы, никого не было, из посторонних я был один в нижней приемной и таким образом в открытое окно мог наблюдать то, что происходило перед дворцом. Государь в этот день лежал уже в кровати, и при нем сидела императрица. Перед дворцом был выставлен почетный караул. Цесаревич и его невеста приехали в коляске на почтовых прямо из Симферополя.

Экипаж прямо с большой дороги проехал по аллеям сада и подъехал к подъезду дворца. У невесты в руках был большой букет, видимо, поднесенный ей при встрече цесаревичем. Они, выйдя из коляски, прямо вошли в подъезд, где, кажется, их встретила императрица (видеть этого я не мог, ибо не выходил из приемной), и поднялись наверх к Государю. Там они оставались вчетвером минут 20–30. Я стоял внизу у открытого окна, любовался видом и размышлял о происходившем. Надо было думать, что сцена, происходившая над моей головой в спальне царя, должна была быть трогательна и драматична.

Всем было известно, что за несколько лет перед тем принцесса Алиса приезжала в Петербург еще совершенно молодой девушкой к своей сестре вел. княгине Елизавете Федоровне. Как говорили, целью этого приезда ее было знакомство с русской царской семьей, так как ее прочили в невесты наследника. Однако тогда пр[инцесса] Алиса, или Alix, как звали ее в семье, не понравилась Государю Александру III, но произвела якобы глубокое впечатление на наследника. Так или иначе, но из этого приезда в Петербург ничего не вышло; слышно было, что Государь воспротивился этому браку – принцесса уехала, как говорили, очень недовольной и обиженной, а цесаревича отец отправил в кругосветное путешествие. / .../

Вскоре императрица с женихом и невестой отправились в большой дворец, где была приготовлена парадная встреча, собралась вся царская семья, Двор, местные власти и некоторые военные части и где должно было быть отслужено в церкви благодарственное молебствие по случаю благополучного прибытия Августейшей невесты.

После отбытия императрицы и молодых из дворца ушли все, даже швейцар, чтобы посмотреть на встречу и на будущую царицу – во дворце Государь и я остались вдвоем: он наверху, один, в спальне, лежа в кровати, с открытыми окнами, я внизу у окна. Никогда не забуду этой минуты. /.../

Я долго стоял перед окном, пока совершенно не стемнело, и очнулся, когда меня позвали наверх к больному, который чувствовал себя в этот вечер особенно слабым.

В тот же день утром Государь принял отца Иоанна, который совершил молитву, очень недолго беседовал с больным и спросил, прикажет ли Государь ему остаться или ему нужно уехать. Государь, как пишет вел. кн. Николай Михайлович, ответил ему: “Делайте, как знаете”.

На следующий день 11 октября Государь чувствовал себя очень слабым и утомленным. Я объяснил себе это главным образом последствием волнений при встрече с невестой, а может быть, и при молитвах отца Иоанна»⁹⁰.

Задатки властности Аликс проявились еще до вступления ее в брак. Уже через пять дней после приезда в Ливадию она сочла нужным записать в дневнике своего жениха: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко... Не позволяй другим быть пер-

---

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 130–130 об.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 3–7; Российский Архив. Выпуск V. М., 1994. С. 301–303.

выми и обходить тебя. Ты, дорогой, сын твоего отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»⁹¹.

В этой записи уже ясно слышны те нотки, которые впоследствии так громко зазвучали в ее письмах к императору Николаю II периода Первой мировой войны и начала Февральской революции.

Великий князь Константин Константинович, находясь за границей, все выжидал и не мог решить для себя, стоит ли спешно возвращаться в Россию, о чем можно судить по его дневниковым записям: «*Альтенбург. 13/25 октября*, утром. Если не будет слишком дурных известий, выедем сегодня вечером в спальном вагоне в Гюкебург, столицу княжества Шаумбург-Липпе. С тех пор, что мы гостили у Мими в 92 году, ее муж Жорж стал владельческим князем. – Мысли наши в Крыму; от телеграммы до телеграммы, ожидая вестей с лихорадочным нетерпением, живем между страхом и надеждой. Жадно читаем газетные телеграммы, стараясь в куче нелепиц и небылиц, обильно расточаемых иностранцами о России, вычитывать хоть долю правды. Какого только вздора не печатают здешние газеты: ввиду того, что взгляды Ники не сходятся с отцовскими, он устранен от престолонаследия, а наследовать будет маленький Миша. Уверяют, что присоединение к православию будущей цесаревны состоится немедленно, а сейчас за ним и свадьба. Я не верю этому»⁹².

Тем временем в столице распространяются тревожные слухи о скорой кончине императора Александра III и предстоящих потрясениях в России. Уже знакомый нам граф В.Н. Ламздорф (1844–1907) 13 октября 1894 года зафиксировал в своем дневнике: «Министр страдает одышкой несколько сильнее обычного; говорит, что вчера ему нанес визит генерал Вердер (*германский посол в России. – В.Х.*), настроенный весьма пессимистически относительно здоровья нашего Государя под влиянием сведений из Берлина. Генерал Вердер, обычно хорошо информированный, рассказал г-ну Гирсу, что министр внутренних дел по телеграфу запросил наследника-цесаревича, находящегося в Ливадии, не должен ли и он прибыть туда, учитывая складывающуюся обстановку; в ответ министр внутренних дел будто бы получил от Его Императорского Высочества следующую телеграмму: “В настоящее время министры должны оставаться на своих местах”. В городе ходят всякие слухи, речь идет даже о том, что свадьба наследника-цесаревича будто бы будет сыграна в ближайшие дни»⁹³.

На следующий день он возвращается к тем же проблемам и записывает: «На сегодняшнем молебне в нашем посольстве в Берлине присутствуют кайзер Вильгельм, принцы, высокие сановники двора и т. п. Кайзер, как и все другие присутствующие, становится на колени во время произнесения молитвы о здоровье нашего монарха. На молебне присутствуют также канцлер граф Каприви и прусский министр внутренних дел граф Эйленбург; в тот же день, двумя часами позже, оба они уходят в отставку. Их отставка и возвращение кайзера к некоторым политическим тенденциям Бисмарка становятся основой довольно неожиданного государственного кризиса. Министр внутренних дел г-н Дурново наносит визит г-ну Гирсу. Опираясь на имеющиеся у него сведения, он заявляет, что нет никакой надежды спасти Государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо... Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя

---

⁹¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991. С. 85, 287.

⁹² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 131.

⁹³ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 72.

по некоторым признакам. Так, например, на Юге были сделаны попытки распространять слухи, будто Государя лечат почти исключительно врачи-евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из тех еврейских погромов, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков. Министр Дурново считает также, что в Ливадии состоится в недалеком будущем если не свадьба, то обручение наследника. К вопросу о евреях. Среди петиций и писем, полученных из-за границы и пересланных в министерство в пакетах из Ливадии, я нахожу следующий своеобразный документ: “Париж, 4 октября 1894 г. О, царь, император всея Руси, самодержавный властитель миллионов людей, вся твоя сила не мешает тебе страдать подобно самому обычному из смертных. Самые знаменитые доктора мира не излечат тебя от болезни, ниспосланной тебе Богом в наказание за твою жестокость и в напоминание о том, что ты просто человек, подобный всем другим, и что тебе нужно подумать о страданиях, причиняемых тобою израильтянам России. Верни им свободу, вспомни, что они люди, подобные тебе самому, не преследуй расы, по отношению к которой у тебя не может быть никаких упреков. В этом твое спасение! Пусть только с израильтянами обращаются в России наравне с другими твоими подданными, и ты выздореешь! Некто французский израилит”. Невольно напрашивается в связи с этим воспоминание о трагической и таинственной смерти одного из главных поваров, исчезнувшего во время возвращения части придворной челяди из Спалы; его раздавленное тело нашли потом на железнодорожных путях»⁹⁴.

Как мы можем видеть из этих дневниковых записей графа, при только наметившейся смене монарха у чиновников разного ранга проявился профессиональный стереотип мышления, т. е. определения новых ориентиров в своей карьере и поиска новых врагов, которые могли бы гарантировать их незаменимость на посту в государственном аппарате власти.

Состояние здоровья императора Александра III резко ухудшилось. Великий князь Константин Константинович принимает решение возвратиться в Россию, о чем записал в дневнике: «*Штутгарт. 18-го*, день смерти тети Оли. Только что приехали и поместились у Веры (великая княгиня Вера Константиновна, герцогиня Вюртембергская. – В.Х.). Еще вчера в Кельне получили ответ от императрицы на поздравление, по случаю годовщины избавления от опасности при крушении царского поезда. /.../ А сегодня, здесь на вокзале, русский посланник Коцебу сообщил, что имеет от Гирса более тревожные известия. Вот сегодняшняя бюллетень, доставленный сюда по телеграфу: “Утром в состоянии здоровья Государя императора произошло значительное ухудшение. Кровохаркание, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки ограниченного воспалительного состояния (infrakt) в левом легком. Положение опасное”.

У нас сердце не на месте. Хотим послезавтра утром ехать домой, в Россию»⁹⁵.

19 октября 1894 года как в обеих столицах, так и по всей России во всех церквах и храмах был отслужен молебен о здравии императора Александра III. Болезнь Царя-Миротворца привлекала внимание многочисленной прессы во всем мире. Молебны за здоровье русского царя прошли в Великобритании и в соборе Парижской Богоматери; в Ватикане такую службу провел папа Лев XIII, а в Вашингтоне в аналогичной службе участвовали президент Кливленд, его кабинет и конгрессмены. Даже британский посол в эти дни вынужден был признать: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие». Сам лично (будучи цесаревичем) принимавший участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александр Александрович, как известно, заяв-

⁹⁴ Там же. С. 72–73.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 134 об.

лял: «Всякий правитель... должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны»⁹⁶.

На Западе в свое время широко бытовало негативное отношение к российскому императору. Так, например, оппозиционно настроенный Эмиль Диллон (корреспондент английской газеты «Дейли телеграф») в очерке, посвященном жизни императора Александра III, не так давно еще констатировал: «Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политические карикатуры иначе не изображают его, как в образе медведя с короной на голове, – человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства»⁹⁷.

Теперь вся Российская империя и весь мир замерли в тревожном ожидании дальнейших событий.

Находясь на смертном одре, император Александр III был обеспокоен тем, что его старший сын Николай не был еще в полной мере подготовлен к той тяжелой ноше, которую он безвременно переключивал на его плечи. За два дня до кончины между ними состоялся обстоятельный разговор. В частности, умирающий отец завещал наследнику престола: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я, и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет назад от истекшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое “передовое общество”, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть? Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит к благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего, покровительствуй церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства»⁹⁸.

Наконец великий князь Константин Константинович тронулся в путь из Германии в Россию и записал в дневнике многие любопытные сведения о здоровье императора: «*20 октября* (1 ноября по новому стилю) рано утром выехали мы из Штутгарта. Перед самым отъездом получил подробное письмо от Палиголика из Ливадии, помеченное 10 и 11 окт. Он писал: “У Государя, как вы знаете, интерстициальный нефрит, т. е. соединительно-тканное воспаление почек; это одна из самых опасных и вместе с тем самая, так сказать, лукавая

---

⁹⁶ Алферьев А.А. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 23–24; Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 172.

⁹⁷ Диллон Э. Александр III. / Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 270.

⁹⁸ Ден Л. Подлинная царица: Воспоминания; Воррес Й. Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998. С. 215.

форма страдания почек. Опасная потому, что вместе с разрушением почек идет поражение сердца, именно левого его желудочка, что часто приводит болезнь к роковому концу гораздо раньше, чем почки потеряют совершенно способность работать. Лукавою я называю эту болезнь потому, что она часто развиваясь долго и упорно, не дает знать о себе существенными признаками, а сказывается тогда, когда уже зло развилось до опасности. Говорю это для вас и в ответ на раздающиеся обвинения: прозевали, не лечили и пр. Мне пришлось много беседовать о болезнях почек с нашими петербургскими врачами, и, кроме того, я прочел две классические монографии об этих болезнях... Вы сами знаете, характер Его Величества и отношения Его к болезни и врачам и также поймете, что могли делать врачи, когда Государь в Спале напр. не желал даже принимать каждый день. Как бы то ни было, теперь Больной гораздо покладнее, хотя тоже нельзя и думать заставить Его все время лежать в постели. Это в данной болезни особенно желательно... Осложняющие явления в свою очередь объясняется продолжительным нарушением питания (бывали дни, что Е.В. довольствовался 2-мя устрицами в день) и таким же отсутствием правильного сна". Далее он пишет, что еще до приезда Мама и Оли "императрице и о. Янышеву удалось убедить Государя приобщиться. Его смущало только приобщение без надлежащего приготовления. Тем не менее, Он приобщился, после чего чувствовал себя особенно покойно и хорошо, и императрица также успокоилась и как бы ко всему приготовилась". Затем царь "коленипреклонно (так же как и в причастии, а Больному при распухших ногах это очень тяжело и утомительно) и слезно молился с о. Иоанном". Палиголик кончает припиской от 11-го числа: "Сегодня уже не столь большой секрет, что миропомазание предполагается теперь же, и, может быть, и бракосочетание". /.../

После этого мы были приготовлены к получению роковой вести. Во весь день я уже не мог ни читать, ни разговаривать, а сидел, молча, и думал. /.../ Сколько мыслей бродило в голове! Одна сменяла другую. Я старался представить себе Ливадию и что там делается. Особенно много думал о бедной императрице и о Ники, которому суждено новое, великое служение. Прямо из командира батальона нашего [Преображенского] полка восходит он на престол. Какие будут теперь его отношения к полку и ко мне?»⁹⁹.

В 2 часа 15 минут пополудни 20 октября Государь император Александр III «тихо в Бозе почил».

Спустя всего десять дней по прибытии Аликс в Россию, 20 октября 1894 года, император Александр III скончался в возрасте 49 лет. Даже утром, в последние минуты своей жизни, он думал только о благополучии России, но почувствовал себя плохо, позвал супругу Марию Федоровну и сказал ей: "Чувствую конец. Будь спокойна. Я совершенно спокоен". Затем позвал всю семью, благословил молодых, пригласил своего духовника протопресвитера Янышева и причастился. Имеется также свидетельство, что незадолго до смерти император потребовал к себе наследника и приказал ему немедленно подписать манифест к населению о восшествии на престол.

В дневнике великого князя Сергея Александровича описан последний день жизни Царя-Миротворца:

«20 октября. Четверг. – Ливадия.

Рождение Ее Императорского Высочества, Великой Княгини Елизаветы Федоровны.
"Да будет воля Твоя!"

В 7 ч. прибыла Мари (великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. – В.Х.). Ночь была без сна, в 9 ч. мы все пошли и вскоре поднялись к Саше – он сидел в кресле в спальне.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 136–137 об.

Мы все к нему подходили, обрадовался Мари (*великая княгиня Мария Александровна. – В.Х.*), обнял меня за шею, сказал мне “поздравляю тебя с сегодняшним днем” (*имеется в виду день рождение великой княгини Елизаветы Федоровны. – В.Х.*).

Янышев читал молитвы. – Саша сам пожелал приобщиться, кротко повторял молитвы; потребовал о. Иоанна, молился; о. Иоанн помазал его елеем – держал его голову, в ¼ 3 ч. без агонии предал свою святую душу. Моя скорбь бесконечна – на земле моя вера был он! Минни была глубоко умирительна. Бедный Ники! Около 4 ч. Сашу обмыли и положили на кровать. Выражение лица: мир и святость. Около 10 ч. панихида. Завтра миропомазание – Алих, жена исповедовались с Ники. Господи, не остави нас, уповающих на Тя. В 5 ч. перед церковью мы все присягали»¹⁰⁰.

О последних часах жизни императора Александра III оставил воспоминания лейб-медик Н.А. Вельяминов (1855–1920), который писал: «19 октября Государь провел день в своей уборной комнате, сидя в креслах, и очень страдал от одышки, усилившейся вследствие присоединившегося воспаления легкого при нарастающей слабости сердца. В 9 часов вечера его перевезли на кресле в спальню. Будучи позван к больному, я предложил свою помощь при переходе в постель, но Государь отпустил меня, сказав, что он меня позовет. Однако когда меня позвали в 10 часов, я нашел его уже в кровати очень уставшим. По обыкновению я сделал легкий “массаж” ног, т. е. в сущности, самое легкое поглаживание, что он очень любил, напудрил болевшую и зудевшую от напряжения кожу, наложил бинты и ушел в кабинет императрицы, предвидя, что ночь будет тяжелая, а Государь будет стесняться посылать за мной. Около двенадцати часов меня снова позвали – Государь очень тяжело дышал и жаловался, что он лежать больше не может, что это невыносимая мука. На мои увещания лучше остаться в кровати, Государь попросил его переложить и устроить ему полусидящее положение, что мы с камердинером и исполнили. При этом присутствовала императрица, уже переодевшаяся к ночи. Однако перемена положения мало облегчила больного, он, видимо, очень страдал от одышки. Не зная, как ему помочь, я предложил послать за Лейденом. Последний скоро явился, и мы просидели с ним до 2-х часов, массируя руки и успокаивая словами. Государь пытался уснуть, но тотчас просыпался, стонал, но не жаловался. При этом он все время уговаривал императрицу лечь спать. Около 2-х часов мы ушли, Лейден пошел спать в мою комнату, где находился и Гирш, а я прилег в кабинете императрицы, но в три часа меня опять позвал Государь. Императрица спала или, по крайней мере, делала вид, что спит. Я просидел с больным до 4½ утра, что-то ему рассказывая. Он нервно курил, бросал недокуренные папиросы и, закуривая новые, постоянно спрашивал который час, – видимо он не мог дождаться утра и света. Между прочим, несмотря на свои страдания, он все беспокоился, что он курит, а я нет, предлагал мне курить, а на мой отказ курить в спальне Государыни посылал меня в другую комнату покурить: “Мне так неловко, что я все курю, а вы не курите так долго, пойдите покурить”, – говорил он. “Мне так совестно, – сказал он в другой раз, – что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил”. В 4½ встала императрица, и мы до 5 часов просидели с нею у кровати, занимая больного разговорами. Государь стал энергично требовать, чтобы его пересадили в кресло. Чтобы его отвлечь от этой мысли, я в 5 часов приказал подать утренний кофе. Государь этому обрадовался и пил кофе с Государыней. В 6 часов пришел Лейден и мы с большим трудом пересадили больного в его кресло и выкатили на середину комнаты.

В 8 часов пришел цесаревич, а Государыня ушла одеваться. Мы остались втроем. Вдруг Государю стало очень нехорошо, и он приказал сыну позвать Государыню. “Зачем?” – спросил цесаревич. “Да так, будет лучше”. Одышка все усиливалась, пульс стал резко слабеть. Пришла Государыня, а я вышел и послал за гр. Воронцовым. Последний пришел и вошел

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 297.

без доклада в спальню. Государь, не видевший графа уже около 3-х недель, нисколько не удивился его приходу, а, напротив, как будто обрадовался. Вскоре пришел и вел. кн. Владимир Александрович, Государь тоже этому не удивился, обнял и поцеловал его; вслед за великим князем в комнату вошла сестра Государя вел. кн. Мария Александровна герцогиня Эдинбургская, только что приехавшая из-за границы. Государь даже не спросил ее, когда она приехала, а только ласково поздоровался с ней. Постепенно стали приходиться все члены императорской фамилии. Со всеми входившими Государь здоровался, но не выражал никакого удивления тому, что так рано, без его разрешения, постепенно собралась вся семья, и я понял, что он сознает близость своей кончины и, в сущности, со всеми прощается. Самообладание его было так велико, что он даже поздравил вел. кн. Елизавету Федоровну с днем ее рождения. Приходившие члены семьи, поздоровавшись, уходили затем в соседнюю комнату. При Государе оставались только императрица, все дети, принцесса Алиса, Лейден и я. В 11½ часов пришел отец Янышев. Государь пожелал причаститься. Двери в другую комнату открылись, вошла вся семья и министр двора, все стали на колени, и умирающий царь внятно, на вид совершенно спокойно стал читать молитву перед причастием “верую, Господи, и исповедую...”.

После причастия Государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том же кресле среди своих самых близких членов семьи, т. е. Государыни, детей и невестки; кроме того, здесь были Лейден и я. Говорили, что еще утром Государь выразил желание видеть отца Иоанна, который после обедни около 12 часов и прибыл. Государь встретил его очень ласково и, несомненно, был очень доволен его появлением. О. Иоанн совершил молитву и помазал некоторые части тела святым елеем. После этого Государь его отпустил. Уходя, отец Иоанн громко сказал не без рисовки: “прости (т. е. прощай), царь”.

Государь, видимо, страдал от неприятного чувства в сильно опухших ногах, для которых трудно было выбрать удобное положение; ввиду того, что больной довольно громко стонал, я предложил ему слегка помассировать ноги, зная, что это ему иногда давало облегчение. Все вышли из комнаты, и мы остались вдвоем. В то время, что я массировал, Государь сказал мне: “Видно, профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной”. Из этого, как и из целого ряда других фактов, следовало заключить, что Государь вполне ясно сознавал приближение смерти, но оставался поразительно покойным и за все время не проронил ни одного слова о том, что отлично понимал приближение конца. Однако был такой момент, когда он пожелал остаться наедине с наследником; все вышли на несколько минут; я не сомневаюсь, что он что-то говорил своему наследнику, но, что именно, я, конечно, не знаю, может быть, этого никогда не узнал и никто другой.

После массажа больной почувствовал облегчение, и даже несколько поднялся пульс, Лейден полагал, что такое состояние может протянуться и до вечера, поэтому я вышел на несколько минут и спустился к себе в комнату, чтобы что-нибудь перекусить, так как с вечера ничего не ел и не пил, но очень скоро кто-то прибежал ко мне и сказал, что, кажется, Государь кончается, я побежал наверх. Когда я вошел в комнату, я увидел, что Государь сидел в том же положении, только голова, которую обнимала стоявшая на коленях Государыня, склонилась набок и прислонилась к голове императрицы; больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно; все члены семьи стояли вокруг на коленях; отец Янышев читал отходную. Лейден взял пульс и показал мне головой, что пульса нет, прекратилось и дыхание, – Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. Картина была из тех, которые никогда не забываются теми, кто их видел. Теперь уже прошло более сорока лет, что я, врач, видел я много смертей – людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так

сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой, чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает.

Все встали»¹⁰¹.

28 октября 1894 года были опубликованы сообщение о диагнозе заболевания и акт вскрытия.

Диагноз болезни гласил: «Хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком с последовательным воспалением».

В акте вскрытия было сказано: «Тысяча восемьсот девяносто четвертого года, октября 22-го в семь с половиной часов вечера мы, нижеподписавшиеся, нашли при бальзамировании тела в Бозе почившего Государя императора Александра Александровича нижеследующие изменения: значительный отек подкожной клетчатки нижних конечностей и пятнистую красноту на левой голени. В левой полости плевры 200 кубических сантиметров сывороточной жидкости, окрашенной в красный цвет, в правой полости плевры – 50 кубических сантиметров таковой же жидкости. Старый фиброзный рубец в верхушке правого легкого, отечное состояние правого легкого, в левом легком отек верхней доли и кровяной инфаркт в нижней доле того же легкого, причем эта нижняя доля очень полнокровна и содержит в себе очень мало воздуха. Кровяной инфаркт находится у верхнего края нижней доли левого легкого и в разрезе имеет треугольную форму полтора сантиметра в продольном разрезе и один сантиметр в поперечном. В околосердечной сумке 30 кубических сантиметров сывороточной жидкости. Сердце значительно увеличено в объеме, продольный размер 17 сантиметров, поперечный размер 18 сантиметров, в подсерозной клетчатке сердца большое количество жировой ткани (*Lipomatosis cordis*); сердце плохо сократилось. Левая полость сердца увеличена, и стенка левого желудочка утолщена (равна двум с половиной сантиметрам), мышца левого желудочка сердца бледна, вялая и желтого цвета (*Degeneratio adipose myocardii*), в правом желудочке мышечная стенка истончена (6 миллиметров) и такого же желтоватого цвета, заслоночный аппарат совершенно нормален.

В полости живота около 200 кубических сантиметров сывороточной жидкости. В желудке и кишечнике большое количество газов. Печень немного увеличена, очень полнокровна.

Почки имеют следующие размеры: левая 16 сантиметров в длину, 7 сантиметров в ширину и 4 сантиметра в толщину; правая – 15 сантиметров в длину, 6½ сантиметров в ширину и 4 сантиметра в толщину. Капсула почек обыкновенной толщины и отделяется легко. Наружная поверхность почек мелкозернистая, темно-красного цвета; плотность почек незначительная. Кортикальное вещество почек уменьшено (от 6 до 7 миллиметров) и желтовато, медуллярное же вещество – темно-красного цвета (*Nephritis intestinalis cum atrophie substantie corticis renum granulosa*). Сверх того в левой почке серозный пузырек трех миллиметров в поперечнике.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что Государь император Александр Александрович скончался от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)»¹⁰².

Акт подписали: заслуженный ординарный профессор патологической анатомии Императорского Московского университета И.Ф. Клейн, заслуженный ординарный профессор

---

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 3–7; Российский Архив. Вып. V. М., 1994. С. 306–308.

¹⁰² Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 133–134.

нормальной анатомии того же университета Д.Н. Зернов, ординарный профессор нормальной анатомии Императорского Харьковского университета М.А. Попов, профессор Императорского Московского университета Н.В. Алтухов, прозектор Императорского Харьковского университета А.К. Белоусов.

Европейская пресса отреагировала на безвременную кончину императора Александра III изъявлениями горести по поводу тяжелой утраты и восхищения Царем-Миротворцем, которого не так давно на тех же страницах нередко называли деспотом. Даже английские и немецкие издания восхваляли роль царя в международных отношениях и его умение сохранить мир. Смерть императора Александра III вызвала самые бурные отклики во Франции, новой стратегической союзнице России. Французское правительство приказало задрапировать в траур церкви и правительственные здания. Палата представителей прервала свои заседания по случаю смерти царя. Всенародная скорбь по умершему самодержцу в Российской империи продемонстрировала Европе популярность и жизнеспособность русской монархии.

Император Александр III передал своему преемнику Россию, успокоенную внутри и грозную извне.

Позднее Европа отметилась печатанием серии грязных пасквилей, вышедших в 1895–1912 гг. в Лондоне и Берлине, с надписью на титульных листах: «Новые материалы из жизни российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов», т. е. была предпринята попытка придать этим событиям политическую интригу. В брошюрках сообщалось: «По дошедшим из-за границы сведениям, Мария Федоровна отказывалась присягнуть Николаю II. Министры, придворные и все бывшие тогда в Ливадии совершенно растерялись от такой неожиданности. Дело принимало тревожный характер. Многие уже предвидели возможность не только перемены в порядке престолонаследия, но и целого дворцового переворота, на который особенно рассчитывал ждавший в столице известий из Ливадии великий князь Владимир Александрович.

Волнение и растерянность достигли крайнего предела, но никто не решался обратиться к императрице с требованием присяги. В конце концов, все придворные в отчаянии обратились к одесскому генерал-губернатору графу Мусину-Пушкину, известному своей смелостью. Последний, сопровождаемый придворными, пошел прямо на врага: войдя к императрице, он громко провозгласил императором Николая II. Ободренные придворные поддержали его, и императрице ничего не оставалось, как преклониться перед совершившимся фактом, тем более что ее партия с Воронцовым-Дашковым во главе оказалась совершенно бессильной...».

От начала до конца это была ложь, направленная на подрыв основ государственного строя в Российской империи. На самом деле почти все члены Императорской фамилии и представители многих королевских дворов Европы собрались в эти печальные дни в Ливадии, а позднее в Петербурге. Великий князь Георгий Александрович, средний сын Александра III, записал в день кончины отца в своем дневнике: «О Боже! Какой ужасный день пришлось пережить нам всем. Мы потеряли нашего дорогого возлюбленного Папа. Это просто ужасно, ужасно. Около 9 часов нас позвали наверх. Бедный Папа был страшно слаб, так как не спал всю ночь и сидел в кресле в спальне; он с трудом дышал, и ему все время давали вдыхать кислород. Скоро собралось все семейство, а также тетя Мари, только что приехавшая. Пришел Янышев, причастил Папа Св. Тайн и читал молитвы. Затем отец Иоанн также пришел молиться, после чего Папа стало как будто немного легче. Мы все время оставались в комнате и выходили только немного покушать. В третьем часу бедному Папа стало хуже, и около 3 часов он тихо и спокойно скончался; казалось, что он уснул. Эта была чудная смерть, но Боже, как это было всем нам тяжело. Трогательно было видеть, как все люди плакали, прощаясь с Папа. Бедную Мама с трудом удалось увести из комнаты, но все-таки она была

удивительно спокойна. Бедному Ники должно быть всего тяжелее. В ½ 5 ч. пошли к присяге, которая произошла на площадке у церкви. Потом пошли к Мама, с которой сделался обморок у постели Папа... Затем была панихида; все ревело навзрыд. Кто мог ожидать, что Россию постигнет такое горе. Вчера еще утром бедному Папа было лучше... Да, этого дня я никогда не забуду! Прощай, дорогой Папа, навеки! Я до последней минуты не терял надежды: мне просто казалось невозможным, чтобы Бог взял его от нас, но, видно, Он нашел, что Папа сделал довольно добра, и за его праведную жизнь взял его к Себе. Видит ли бедный Папа, как все его любили и оплакивают?»¹⁰³.

Великая княгиня Ксения Александровна, старшая дочь Александра III, записала печальные строки в дневнике:

«20 окт[ября]. Четверг. – Ливадия.

Господь взял нашего ангела, дорогого, незабвенного чудного Папа! Господи, как тяжело, невыносимо тяжело! Не верится. В ½ 9-го [часа] Мама послала за мной; Папа сидел в кресле. Он ночью совсем не спал, и силы его совсем покинули! Он говорил со всеми нами; был такой дивный! Около 11 ч. он захотел приобщиться. В это время все семейство пришло; т. Мари приехала также. – Позже пришел отец Иоанн, который помазал все тело Папа елеем, и потом молился с нами! Было тяжело, но так трогательно. – Папа почувствовал облегчение после его посещения. Затем он попросил о. Иоанна отдохнуть и придти позже. (Он ему все время говорил: “Вы святой человек, вы праведный, Господь вас любит и принимает все ваши молитвы и что русский народ вас боготворит” и т. д.). Мы по очереди выходили в другую комнату, чтобы поесть, хотя было не до пищи, остальное время просидели около Папа. Терли ему руки, делали массаж ног. Когда отец Иоанн вернулся, Папа был уже гораздо слабее, но еще говорил, и потом становился все слабее и слабее и конец был такой чудный! Так тихо, спокойно и незаметно он отошел от нас!!

Господи! помоги дорогой Мама, Ники и нам всем перенести этот ужасный удар, и покорно нести крест свой!

Затем пустили всех людей к Папа! Мама все стояла на коленях и держала его кругом шеи. Нам с трудом удалось уговорить ее уйти в другую комнату, чтобы можно было положить Папа на постель и все прибрать. Когда все было кончено, Мама и я вышли к нему. Какое дивное, ангельское выражение было на его лице и чудная улыбка. С Мама вдруг сделался обморок. Она стояла на коленях и вдруг упала и ее страшно рвало. Братья подняли ее и положили на кушетку в уборной. Мы все оставались у нее все время, страшно перепугались. Наконец, она пришла в себя и скоро заснула и проспала до ¼ 10-го [часа]. В ½ 10-го была панихида! Мы все оставались с Мама в уборной. Что за грусть ужаснейшая! – Потом уговорили Мама немного поесть, в 11¼ [ч.] разошлись»¹⁰⁴.

Пятнадцатилетний младший сын Михаил также сделал в своем дневнике, но более лаконичную запись:

«20 октября / 1 ноября. Четверг. – Ливадия.

Погода пасмурная и свежая.

Сегодня в 2¼ ч. бедный, дорогой Папа скончался. С самого утра он чувствовал большую слабость. Папа совсем спокойно скончался. Мы все с самого утра были с ним в комнате. В 8 ч. мы обедали в нижней комнате. В 9½ ч. была панихида.

21 октября / 2 ноября. Пятница. – Ливадия.

В 10 ч. мы пошли в церковь, где была служба по случаю восшествия Ники на престол, и миропомазание Алих. После службы Мама, Ксения, Беби и я завтракали в гостиной комнате, а другие в нижней. В 2 ч. была панихида. Потом Old Man, Беби, Siocha и я пошли гулять, были

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 293–293 об.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 130 об., 131–131 об.

у моря. Погода холодная и ветреная. Были громадные волны. Волны около ванны бросались через дорогу»¹⁰⁵.

Драматизм событий передают следующие строки письма великой княгини Елизаветы Федоровны к королеве Виктории от 24 октября 1894 года: «Моя дорогая Бабушка, самое сердечное спасибо за Ваши ласковые строки. Я не могла писать до этого времени. Мы были в таком волнении. То было хуже, то лучше, и, наконец, это ужасное горе...

Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провел такую тяжелую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано. Минни (императрица Мария Федоровна) позвала нас туда. Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал все. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно, тоже, которая была, как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь.

Потом мы оставались в соседней комнате. Дверь была широко открыта, и можно было видеть заднюю часть его головы. Он сидел в кресле. Лежать в постели было для него мукой с его ослабевающим сердцем и водой, от которой он так опух. Да, он помолился за меня.

Был вызван священник, его личный духовник, и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Тайн, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает. Тогда двери закрыли, но дети сказали мне, что когда этот священник положил свою руку на его голову, он сказал: «Я чувствую себя так хорошо» – и все это время хотел, чтобы тот священник был рядом. Потом этот батюшка помазал его святым елеем. Тогда Саша отпустил его отдохнуть и попросил прийти опять, что тот священник и сделал. Они разговаривали друг с другом и с другими... Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний тихий вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя! Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги. Бедная дорогая Минни здорова и так полна христианского смирения. Она, Ники и я причастились Святых Тайн на следующий день вместе с Аликс после ее обращения в православие, которое было таким прекрасным и трогательным. Она прочитала все превосходно и была очень спокойной... В четверг все едем в Севастополь морем, потом в Москву... и в понедельник – в Петербург. Похороны, я думаю, будут через несколько дней, так как весь народ захочет увидеть его еще раз. Аликс, конечно, находится вместе со своими будущими свекровью и мужем. В Петербурге Эрни и она будут жить с нами в нашем доме и вскоре после этого состоится свадьба. Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мама. Это не только их желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро, вероятно, 14/26 числа. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только в новом году. Минни, вероятно, уедет сразу после этого, чтобы быть с Георгием (*великий князь Георгий Александрович болел туберкулезом. – В.Х.*), и не останется в своем старом доме, где жизнь без него может убить ее. Я так беспокоюсь, чтобы она не заболела. Она такая тоненькая, как маленький ребенок. Она ухаживала за ним днем и ночью все эти месяцы без отдыха, переживая в своем сердце...

Нежно целую. Я должна кончать, но скоро напишу еще...

---

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 6. Л. 148–148 об.

Господь да благословит Вас.
Всегда Ваша послушная и любящая...
Элла»¹⁰⁶.

Цесаревич Николай Александрович, т. е. новый император Николай II, с горечью и печалью 20 октября 1894 года записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9½ была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался»¹⁰⁷.

«Кто-то выразился тогда: “Прозевали Государя!” – вспоминал осенью 1894 года граф С.Д. Шереметев, – и спохватились, когда было уже поздно, когда болезнь, начавшаяся после Борков, стала выражаться резче и зловеще. Не будь этой болезни, колесо истории повернулось бы иначе, оно избавило бы нас от осложнений “дальневосточных” и приступило бы к работе внутренней очистки. И эта работа была бы свободная, не вынужденная, не навязываемая, а сознательная, спокойная и обстоятельная, соотносимая с важностью внутреннего обновления на началах русских, исторических, законосовещательных, творческих. “Удерживающего” не стало»¹⁰⁸.

Царствование императора Александра III для России было периодом успокоения и стабильности. Его скоропостижная кончина вселяла во многие души тревогу за будущность Российской империи и каждого ее верноподданного. Это чувство общего смятения достаточно точно передают следующие строки великого князя Александра Михайловича: «Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но, тем не менее, смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, признавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он признавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном...

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и признавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание...»¹⁰⁹.

Это была сиюминутная слабость, вырвавшаяся из-под контроля Николая II, доверенная близкому родственнику и другу детства, искренне разделявшему вместе с ним общую

¹⁰⁶ См.: Миллер Л. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2002. С. 97–99.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43.

¹⁰⁸ Шереметев С.Д. Император Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 612.

¹⁰⁹ Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 140–141.

невосполнимую утрату и скорбь. Вскоре молодой император, повинувшись чувству долга, взял себя в руки и никто не мог догадаться по его лицу, что творилось в его душе.

Уже через полтора часа после смерти Александра III в маленькой ливадийской церкви новому императору Николаю II стали присягать лица императорской свиты и другие должностные чины. Многим из присутствовавших здесь монарших родственников эта официальная церемония напоминала известную и знаменитую фразу французских герольдов: «Король умер! Да здравствует король!».

На 1894 год Императорская фамилия Дома Романовых насчитывала 53 человека, краткие сведения о которых размещались в «Придворном календаре» за каждый год.

Многие из Августейших особ в Российской империи и во всем мире с тревогой всматривались в облик молодого императора Николая II, стараясь понять, что скрывается за внешностью симпатичного на вид юноши в полковничьих погонах, какие перемены наступят в жизни огромной державы, как смена Государя-самодержца скажется на жизни каждого из его подданных. Нередко со сменой монарха в России наступала другая эпоха.

Первые минуты после смерти Царя-Миротворца Александра III отразил в своих рукописных воспоминаниях очевидец событий В.Ф. Джунковский: «Наконец отворилась дверь, вышел гр[аф] Воронцов, вскоре вернулся с бумагой. Минуты через две Воронцов опять вышел. – Цесаревич подписал манифест о вступлении на престол. /.../ Бедный Цесаревич не мог даже выплакаться у тела отца. Он сделался Монархом, от него все ждали распоряжений. Когда я выходил, вошел Цесаревич, т. е. новый Государь, бледный, ни кровинки на лице, видно было, как ему трудно было брать [бремя власти] на себя, чтобы казаться спокойным.

В 4½ часа была присяга новому царю. Присягали в церкви в Ливадии, сначала все великие князья на верность Императорскому Дому, затем мы, простые смертные. Певчие впервые пропели “Спаси Господи” новому Государю, раздались салюты, и штандарт в знак траура спущен был до половины...

На другой день состоялось миропомазание невесты Государя и присоединение ее к Православию.

Присутствовали только члены царской семьи. В 11¼ ч. все были приглашены к молебну по случаю восшествия на престол Николая II. Все были в парадной форме, без траура; дамы в белых платьях. Состоялся выход в церковь. Вся царская семья была налицо, даже вдовствующая императрица. Государь в последний раз одел парадную зимнюю свитскую форму. После молебствия диакон возгласил многолетие императору Николаю II, раздался салют, все Высочайшие особы прикладывались к Кресту, после чего подходили к [вдовствующей] императрице Марии Федоровне, принцессе Алисе и Государю. У многих на глазах были слезы, молебен был грустный»¹¹⁰.

В день смерти Александра III, т. е. 20 октября 1894 года, было обнародовано о восшествии на Российский престол цесаревича, великого князя Николая Александровича. Государь император Николай II, выражая беспредельную скорбь о невозвратимой утрате, вместе с тем возвестил, что отныне он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет «священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»¹¹¹.

На следующий день принцесса Алиса Гессенская приняла православие¹¹², о чем молодой Государь записал в дневнике: «И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час[ов] в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс

---

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 43. Л. 88–89.

¹¹¹ Международный год памяти Государя императора Николая II. М., 1993. С. 9.

¹¹² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.

поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера – другая...»¹¹³.

Принцесса Алиса по православному обряду была наречена Александрой, в честь Святой мученицы царицы Александры, и получила традиционное отчество Федоровна, так как икона Феодоровской Божией Матери покровительствовала Императорскому Дому Романовых.

Великая княгиня Ксения Александровна записала в дневнике:

«21 окт[ября]. Пятница. – Ливадия.

Встали в ¼ 9-го [часа]. – Ужаснейший кошмар! – Как только оделись, пошли к Мама. Она спала недурно, слава Богу. – В 10 ч. отправились в церковь. Сначала было миропомазание Алих. Она замечательно хорошо читала и выговор отличный. После этого обедня. Мама, Ники, Алих и Елла приобщались Св. Тайн. – Бедный Папа все говорил, что он так желал бы приобщиться с ними в день миропомазания! После этого молебен. (До этого Янышев прочел манифест!) Ох! Как было грустно и тяжело, а в особенности для дорогой Мама! – Вернувшись, завтракали. Миша, Беби и я у Мама. – Потом сидели у Папа в кабинете. – В 2 ч. панихида. К несчастью, тело начинает портиться, и даже запах начался! Днем посидели немного, были у моря. Громадный прибой, хватал до дороги и иногда через стенку. Ветер адский. Холод. 6'. – Чай пили вернувшись. Потом сидела с Мама в уборной. Отвечали на телеграммы. Писала внизу. Обедали в 8 ч. с Мама у нее в кабинете. В 9 ч. панихида. – Сейчас же после принесли его тело вниз в б[ольшую] комнату. Запах стал еще хуже. – Пили чай. Легли в 12 ч.»¹¹⁴.

В тот же день, т. е. 21 октября 1894 г., второй сын покойного императора Александра III – великий князь Георгий Александрович был объявлен цесаревичем и наследником престола.

Великий князь Георгий Александрович записал в дневнике:

«21 октября. Пятница. – Ливадия.

Стало еще холоднее: было всего 5' и дул настоящий шторм. Встал около 9 часов и выпивши кофе пошел к Мама; затем приложиться к Папа; у него бедного такой спокойный и чудный взгляд остался. В 10 часов пошли в церковь, где произошло миропомазание Аликс и присоединении ее к православию; она великолепно читала по-русски. Потом была обедня, во время которой Мама, Ники, Аликс и Элла приобщались. Затем читался манифест и был молебен. Вернувшись домой завтракали. В 2 часа была панихида; просто не верится, что Папа нет в живых. В 3 [ч.] Ксения, Сандро, Минни (*греческая принцесса Мария. – В.Х.*) и я пошли к морю; прибой был огромный и доходил до самой дороги. Вернувшись, пили у Мама чай, после чего я разбирал прошения и читал. Обедали у Мама в кабинете. В 9 часов была опять панихида, а затем сидели с Мама до ½ 12 [часа]»¹¹⁵.

Великий князь Константин Константинович вернулся в Россию уже после кончины императора Александра III. Он очень сожалел, что не успел застать его в живых. В свой дневник он, кроме поденной записи, сделал вклейку вырезки из столичной газеты «Правительственный Вестник» с печальными сообщениями:

«Ливадия, 21-го октября.

Кончина Государя Императора Александра Александровича была праведная, как праведна была жизнь Его, исполненная веры, любви и смирения. Несколько дней Он уже чувствовал приближение смерти и готовился к ней, как верующий христианин, не оставляя забот о делах правления. Два раза, 9-го и 17-го октября, Государь приобщался Св. Тайн. Не

---

¹¹³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 131 об.–132.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 294.

спав всю ночь, рано утром, 20-го числа, в Бозе почивший Император сказал уже Императрице: “Чувствую конец, будь покойна, Я совершенно покоен”, и, собрав всю Семью около Себя, пригласил духовника и приобщился с великим умилением, произнеся вслух ясным для всех голосом молитву пред причащением, сидя в креслах. Государь все время не терял ни на минуту сознания. После обедни Он послал за о. Иоанном Сергиевым и вместе с ним молился; потом, чрез полчаса, призвал его снова, и о. Иоанн, вновь напутствовал Его молитвою и помазанием Св. елея, приобщил Св. Тайн и оставался при Нем до самой кончины. В два часа пополудни усилился у Государя пульс, и взор Его как бы оживился, но уже чрез четверть часа, закрыв глаза и, откинув голову, Он предал дух Всевышнему Богу, завещав народу Своему благословение мира и завет доброй жизни.

Придворные известия.

От Двора Его Императорского Величества объявляется: господам, камер-фрейлинам, гофмейстерам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и всем, ко Двору приезд имеющих.

По случаю кончины блаженные и вечные славы достойные памяти Государя Императора Александра Александровича съезжаться, 22-го сего октября, в 12 ½ часов дня, к панихиде в Исаакиевский собор, всем знатным обою пола особам, а также гвардии, армии и флота генералам, штаб- и обер-офицерам.

Кавалерам быть в обыкновенной форме и лентах и всем в глубоком трауре.

От Двора Его Императорского Величества объявляется.

В Большой церкви Зимнего Дворца будут совершаться панихиды по в Бозе почившем Императоре Александре III, 22-го сего октября, в 9 часов вечера, а с 23-го октября ежедневно поутру в 12 часов и вечером в 9 часов.

Кавалерам следует быть в обыкновенной форме и лентах и всем в глубоком трауре»¹¹⁶.

Все эти дни шли панихиды, и только 7 ноября 1894 года состоялось погребение императора Александра III в Петропавловской крепости.

В заключение стоит отметить, что Николай Александрович, еще будучи цесаревичем, дослужился до чина гвардейского полковника. Когда он стал императором Николаем II, т. е. верховным главнокомандующим вооруженными силами Российской империи, то он остался в прежнем чине до самой смерти.

В частности, бывший царский военный министр В.А. Сухомлинов (1848–1926) в своих эмигрантских воспоминаниях отмечал этот факт: «При вступлении на престол Николая Александровича, старшего из Михайловичей, великого князя Николая Михайловича, не было в Петербурге. Когда он вернулся в столицу и являлся Его Величеству, то Государь, в силу прежних дружеских отношений, встретил его ласково, приветливо и “дернула меня нелегкая”, как он сам рассказывал мне затем, спросить Государя: “А когда же ты сделаешь себя генералом?”

Государь сразу же изменился и недовольным тоном ответил ему: “Русскому царю чины не нужны. В Бозе почивший отец мой дал мне чин, который я и сохранию на Престоле”»¹¹⁷.

---

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 139.

¹¹⁷ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 397.

Ходынская катастрофа 1896 года в Москве

Во многом в популярных исторических книгах были искажены события Ходынской катастрофы во время коронации (в мае 1896 года) в Москве императора Николая II. Особенно в этом преуспели в советские времена, доказывая, что прежде существовавший «самодержавный строй» был испокон веков антинароден и, кроме дикой эксплуатации крестьянства и пролетариата, для блага России ничего не нес. Всячески искажался истинный образ царской четы, чтобы посеять ненависть, вытравить из памяти и сознания народа положительные моменты достойной жизни в Российской империи, которая ненамного отличалась в то время от других цивилизованных стран мира, а по ряду позиций их превосходила. К сочинению непристойных пасквилей на царскую семью и к мистификации исторической действительности был привлечен даже известный и талантливый писатель Алексей Толстой (например, «Заговор императрицы» и подложный «Дневник Анны Вырубовой»). Позднее в этом преуспели и многие другие, включая популярного в советском обществе писателя Валентина Пикуля, «исторические» романы которого порой не имели ничего общего с реальными событиями. Однако они экранизировались (например, фильм «Агония»), выходили в широкий прокат в кинотеатрах и деформировали не только реальные события истории Российской империи, но и психологию рядовых граждан по отношению к прошлому нашей страны.

Существует устоявшийся миф (с подачи воспоминаний отправленного в отставку графа С.Ю. Витте), что якобы царская чета во время Ходынской катастрофы веселилась и до упада танцевала на устроенном торжественном приеме во французском посольстве. Обратимся к архивным документам и личным бумагам Императорской фамилии, чтобы представить реальную картину тех трагичных событий.

В самом деле какой-то злой рок, казалось, отметил судьбу Николая II скорбной печалью. Шла молва, что в день крестин Августейшего новорожденного, в то время, когда шествие направлялось из храма под торжественный перезвон колоколов, орден Св. Андрея Первозванного, жалуемый при рождении каждому великому князю, вдруг неожиданно сорвался с подушечки, которую нес церемониймейстер, и с шумом упал на пол. «Недоброе, худое предзнаменование», – роптали между собой суеверные люди. В действительности, как утверждают исторические документы, такого происшествия не было. Однако эта мысль невольно возникала вновь, когда впоследствии царствование Николая II, начавшись страшной Ходынской катастрофой в дни коронации императора в Москве, было отмечено печатью многих трагических вех истории российской: памятное всем Кровавое воскресенье 9 января в Петербурге, неудачная Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., жестокая бойня Первой мировой войны, всепожирающее пламя революции 1917 года и начавшейся гражданской междоусобицы. Предчувствие рока постепенно проникло в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а там дальше... Божья воля.

Иногда, в некоторых ситуациях, император Николай II не упускал случая, чтобы напомнить своим собеседникам о том, что день его рождения приходится на день чествования Св. Иова Многострадального, его небесного покровителя.

Несправедливые критики императора Николая II часто обвиняют его во всех земных грехах, всячески подчеркивая его моральное «ничтожество». Обычно в этом ряду в первую очередь отмечается Ходынская катастрофа в дни коронации императора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.